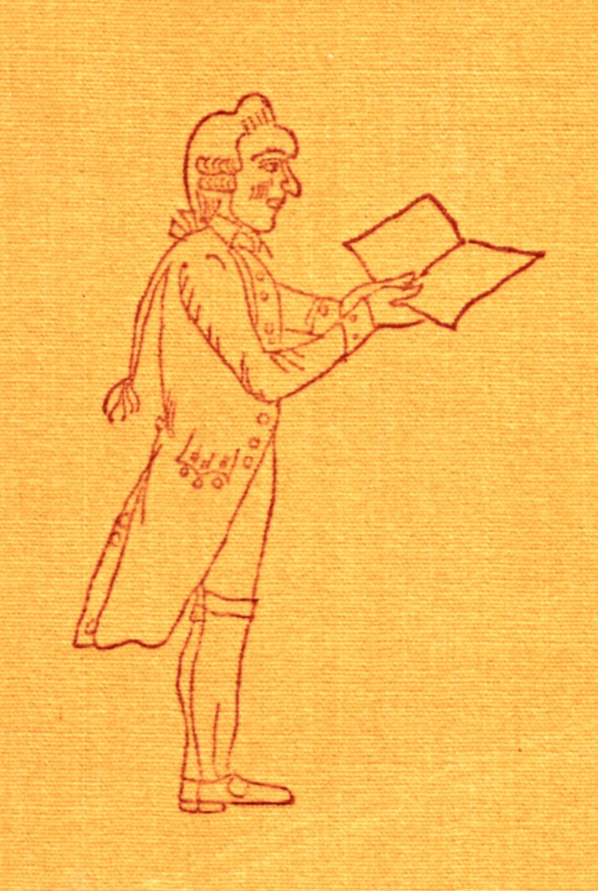

НИКОЛАЙ КУРГАНОВ

КРАТКИЕ ЗАМЫСЛОВАТЫЕ ПОВЕСТИ

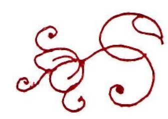

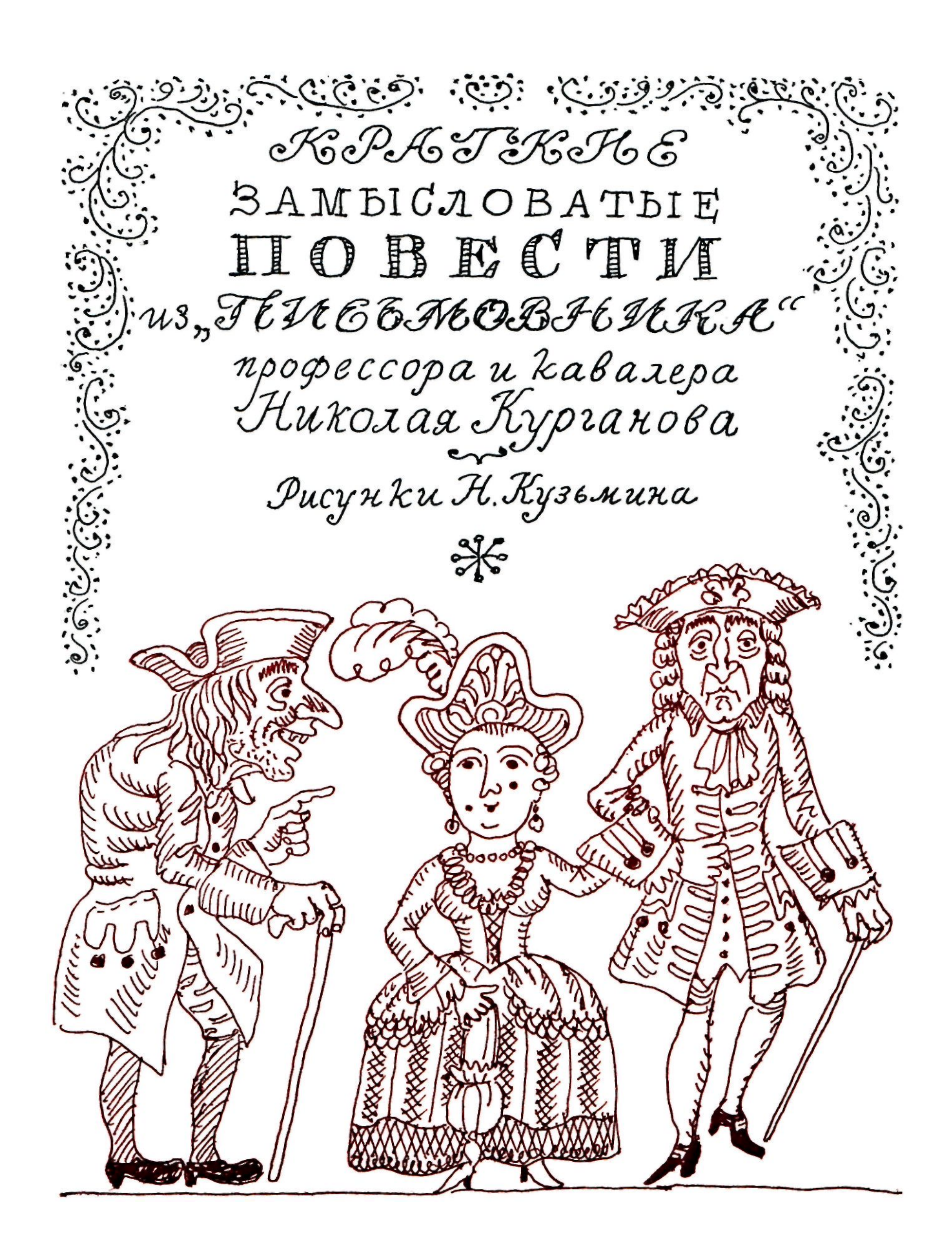

МОСКВА
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1976

КРАТКИЕ
ЗАМЫСЛОВАТЫЕ
ПОВЕСТИ
из „ПИСЬМОВНИКА"
профессора и кавалера
Николая Курганова
Рисунки Н. Кузьмина

Текст печатается по изданию: «Письмовник, содержащий в себе науку российского языка со многим присовокуплением разного учебного и полезнозабавного вещесловия. Седьмое издание, вновь выправленное, приумноженное и разделенное на две части профессором и кавалером Николаем Кургановым». Ч. 1, 2. СПб., 1802, 1803.

«ПОЛЕЗНОЗАБАВНОЕ ВЕЩЕСЛОВИЕ»

Чтение письмовника долго было любимым моим упражнением. Я знал его наизусть и, несмотря на то, каждый день находил в нем новые незамеченные красоты. После генерала Племянникова, у которого батюшка был некогда адъютантом, Курганов казался мне величайшим человеком.

А. С. Пушкин. История села Горюхина

Существует рассказ, что Пушкин хотел написать биографию Курганова, но отказался от своего намерения из-за скудости собранных о нем сведений. Не оттого ли в «Истории села Горюхина» устами автора «Истории» он говорит: «Я расспрашивал о нем у всех, и, к сожалению, никто не мог удовлетворить моему любопытству, никто не знал его лично, на все мои вопросы отвечали только, что Курганов сочинил Новейший письмовник, что твердо знал я и прежде. Мрак неизвестности окружал его как некоего древнего полубога; иногда я даже сомневался в истине его существования. Имя его казалось мне вымышленным и предание о нем пустою мифою, ожидавшею изысканий нового Нибура».

Конечно, знаменитый и никому не известный Курганов должен был заинтересовать Пушкина. Николай Гаврилович Курганов (1725—1796) — талантливый самородок, солдатский сын, пробившийся благодаря своим способностям и трудолюбию в науку и в

двадцать лет получивший звание «ученого подмастерья», а в тридцать девять — профессора математики и навигации, — не был профессиональным литератором. Он оставил много книг учебного содержания; его «Универсальная арифметика» сменила знаменитую «Арифметику» Магницкого, по которой постигал науку Ломоносов. «Письмовник» — это его отдохновение от профессорских трудов, любимое дело, в которое он вложил, кроме знаний, много душевной теплоты и не переставал от издания к изданию дополнять и совершенствовать.

Ведь и судьба «Письмовника» была необычной: при объеме книги в 800 страниц с 1769 года до года смерти Пушкина — 1837 — «Письмовник» издавался одиннадцать раз.

Он стал настольной книгой многих поколений русских людей на протяжении четырех царствований — от Екатерины до Николая Первого.

Добрым словом вспомянул о «Письмовнике» Герцен в «Записках одного молодого человека»: «...между прочим, отрыл и «Письмовник» Курганова — этот блестящий предшественник нравственно-сатирической школы в нашей литературе. Богатым запасом истин и анекдотов украсил Курганов мою память; даже до сих пор не забыты некоторые, например: «Некий польский шляхтич ветрогонного нрава, желая оконфузить одного ученого, спросил его, что значит обол, парабол, фарибол? Сей отвечал ему...» и т. д. Можете в самом источнике почерпнуть острый ответ» [1]. Тон Герцена слегка иронический: за семьдесят лет дедовская мудрость «Письмовника» основательно устарела.

Затеян был «Письмовник» для домашней пользы: Курганов «вздумал детей своих поучить правилам нашего языка по прежде-

---

[1] А. И. Герцен. Собр. соч. в 30-ти томах, т. I, М., Изд-во АН СССР, 1954, с. 266.

изданной Русской Грамматике, но она показалась ему для них многотрудною, то принужден он ее преобразить», — сказано в предисловии.

Но почему же книга названа «Письмовником», когда в ней помещено всего одно-единственное письмо — это «Перевод прошения в стихах, кое Акцизный Секретарь Ганкен подавал польскому Королю»?

Русским словом «письмовник» перевел Курганов греческое «грамматика». Это была эпоха, когда в русскую речь хлынула лавина иноязычных слов и выражений, и патриотически настроенные люди почитали своим долгом искать в своем родном языке слова, эквивалентные иностранным. Иногда это удавалось, иногда нет. В словаре Курганова приводится немало таких придуманных слов, которые так и не привились в русском языке: браслет — зарукавье, жесты — телокривия, этимология — словородие, овал — яйцеподобие, параллель — одномежда, парадокс — недоверство, перпендикуляр — прямостой, пульс — жилобой, актер — представщик, архивариус — письмоблюд, клистир — задослаб, микроскоп — мелкозор.

Вместе с Сумароковым Курганов считает, что «довольно наш язык имеет слов» и что «восприятие иностранных слов, а особливо без нужды есть не обогащение, но порча языка». Автор «Письмовника» не раз возвращается к этой теме, высмеивая ломаную модную речь петиметров: «Я в дистракции и дезеспере, аманта моя сделала мне инфиделите...» — и прочее. Или рассказывает в грамматических примерах, как «некто кандидат говорит полурусски так: служил-де я сорок лет, а капиталу нет, и де я о том юристов просил, но они-де не азардируют ныне на аксиденцию, точию-де по новомодной поведенции очень политично екскузуяся завтренят», — и пр.

В те же годы Н. И. Новиков в своем «Кошельке» шутя предлагал установить штраф в пятачок за каждое иностранное, без

крайней нужды вымолвленное слово — и собранные деньги отсылать в Воспитательный дом в подаяние.

Воспитанник основанной Петром Первым Навигационной школы, затем Морской академии, профессор математики и навигации, Курганов в вопросах грамматики как дилетант и практик весьма радикален и за сто пятьдесят лет до орфографической реформы без колебаний высказывается за упразднение буквы «ять»: «...предписанное затруднение в различении *е* от ѣ кажется совсем излишним и обходимым мудрованием... Лучше бы остаться при одной букве *е,* уничтожая... различие слов, кое по смыслу речи само собою вразумительно».

Пожалуй, самая интересная часть «Грамматики» — это примеры на применение правил, в которых слышна живая речь той эпохи: «Я, дискать, туда ходил, да ничего не получил; до бога, дискать, высоко, а до царя далеко». Или пример на употребление частицы *де:* «Сидор в допросе показал, что пришед к нему Карп, говорил такую небылицу: это-де зело обидно, что-де у них маломощных постой всегда; у иных иногда, а у многих никогда; да к тому-де, что с одного, то и с десетерного двора, ходит одна дубина и десятина, а тому-де причиною...» Пример на употребление предлогов: «...недавно куль муки был по пяти или в пять рублей; а в старину по сороку алтын без полугривны, или без полугривны в сорок. Французская водка по девяти гривен штоф, а сивухи или псинухи многим несносно в три рубля ведро».

Грамматикой начинается и кончается учебная часть «Письмовника», а затем следуют разнообразные *присовокупления,* которые автор щедро умножает, «ведая, что различность веселит, обогащает мысли и просвещает разум, ибо в них есть много нравоучительного и то, что послужит полезно-приятным упражнением». Эти-то присовокупления и создали «Письмовнику» великую славу среди чита-

телей. «Письмовник» причудливо обрастает всяческим «полезно-забавным вещесловием», так что в итоге получается некая энциклопедия по самым различным областям знаний. На титульном листе книги недаром написано: *«Духовный ли, мирской ли ты? Прилежно се читай, все найдешь здесь, тот и другой: но разуметь смекай».*

В присовокуплении первом дается «Сбор разных пословиц и поговорок». Как всегда, дивишься нестареющей силе и образности коренной народной речи, рядом с которой книжный язык составителя кажется архаичным.

Среди пословиц многие звучат вольномысленно, и подбор их обнаруживает демократический и антиклерикальный дух автора: *Земля любит навоз, конь овес, а бара принос. Как лапотника не станет, так и бархотник не встанет. И по рылу знать, что не простых свиней. Не сули царства небесного да не бей кнутом. Молебен пет, а пользы нет. Игуменья за чарку, а сестры за ковши. Нашед чернец клобук не скачет, а потеряв не плачет. Поп да петух и не евши поют. Близ царя, близ чести, близ царя, близ смерти. Из одного дерева икона и лопата. Худо овцам, где волк воевода.*

В похвалу Курганову следует отметить, что это одна из самых ранних публикаций русских пословиц.

Второе присовокупление — это «Краткие замысловатые повести», которые составляют содержание нашей книги. А далее следует разнообразнейший дивертисмент, как-то: «Различные шутки», «Разномысленные предложения», «Достопамятные речи», «О женщинах и о браке», «Определения и сравнения или уподобления», «Хорошие мнения», «Опись качеств знатнейших европейских народов».

Это кладезь премудростей, излагаемых в афористической форме: *Леность есть ржа разума. Ревнование есть лихоманка амура. Стар прелюбодей есть гора Этна, коей верх покрыт снегом, а внутри пламя. О породе детей лучше знают матери, нежели отцы.*

Душевное украшение несравненно полезнее телесного. Всякая вещь от редкого употребления приятна. Четыре вещи скрыты быть не могут: любовь, кашель, огонь и печаль.

Авторы «Кузьмы Пруткова», сочиняя его «Мысли и афоризмы», несомненно, держали в памяти эти и подобные афоризмы из «Письмовника».

«О женщинах и о браке»:

Женщина произведена в земном раю, а не мужчина, и благороднейшим образом. Бог не взял ее из его головы, опасаясь быть ей гордою, ни из его ног, чтоб не была презираемою; но из его ребра, дабы он ее утоварищал. Вот для чего оне нам нравятся!

Жен немцы господа, англичане слуги, французы товарищи, италианцы тюремщики, ишпанцы мучители, россияне посредственно.

А вот это из «Описи качеств знатнейших европейских народов». *Голландцы народ грубый; жены у них госпожи. Голландия есть такая земля, где четыре стихии ни к чему годны и там золотой демон сидит на сырном троне в табачной короне.*

Присовокупление третье содержит в себе «Древние исправленные и приумноженные апофегмы», «Епиктитово нравоучение» и «Рассуждение Сенекино».

Из «Древних апофегм»:

ДИОГЕН злую любовь называл упражнением людей гуляющих, что и стихотворец Овидий утверждает: «Иже без промысла всегда гуляют, Ничто же добро деюще, о зле помышляют. Предивно похоть нежится в гулянии. Трудись, ежели не хочешь быть в прелюбодеянии».

ПИТТАК философ говаривал, что прощение гораздо лучше мщения, для того, что первое свойственно кроткой природе, а последнее зверской. На вопрос, что верно? Земля. Что неверно? Море.

Присовокупление четвертое содержит в себе «Разные учебные разговоры». 1. «Разговор между книжником и мальчиком». 2. «Разговор, называемый УТРО, между Бодрым и Сонливым». 3. «Разговор Кевита, ученика Сократова о Картине или образе жития человеческого, ради юношества сокращенный; и оный так, как и Епиктитово учение, по их полезности почти на всех европейских языках имеется». 4. «Разговор о любомудрии», в котором в форме вопросов и ответов даются сведения о явлениях природы: Что такое метеор? Что есть ветр? Дождь? роса? град? радуга? Что есть прилив и отлив морской? 5. «Разговор о навигации». 6. «Разговор о геральдике». 7. «Разговор о мифологии или митологии». 8. «Разговор о различии изречения и писания» — все это в вопросах и ответах. Вопрос: *Нужно ли обучаться поэзии?* Ответ: *Сие знание всякому приятно, и видно, что в древности великие разумы в нем единственно упражнялись. Однако, несмотря на то, оно почитается ныне за последнюю науку, и к которой прилично только прилежать неспособным для иного лучшего упражнения, или кто к сему искусству отменную склонность и дарование имеет.*

Как видно, спор между физиками и лириками и тогда уже имел место, и профессор математики и навигации Курганов был, конечно, на стороне физиков.

Впрочем, для желающих «иметь в примерах разные стиходейства» «Письмовник» рекомендует сатиры Кантемира, сочинения в стихах Ломоносова, Сумарокова и Тредьяковского и прочих «стихописателей, как здешнего (т. е. петербургского. — *Н. К.*), так и московского Парнаса». Имя Державина не упоминается: он стал известен позднее — в 80-х годах.

Вторая часть «Письмовника» открывается присовокуплением пятым — «Собранием разных стихотворств». Здесь приводятся образцы разных родов поэзии: оды, элегии, эклоги, стансы, гимны,

мадригалы, эпиграммы и пр. Особенно обширен раздел: «Светские песни, или Дело от безделья». Здесь собраны «томны эхи» любовной лирики XVIII века:

О, коль счастливы желты те песчинки,
В кои ступала ты ногой!
Ах и прекрасны мягкие травинки,
Кои лежали под тобой!

Глаза мои пленены
Всегда к тебе хотят
И мысли обольщенны
Всегда к тебе летят.

Всеночно дорогая
Мне зришься ты во сне:
Вседневно обольщая,
Ты множишь страсть во мне.

Есть также первые записи народных песен и «киевокалекских» кантов. Есть сатирические вирши против карточной игры и против франкмасонов:

Полны лжи ваши законы
Оказались, франкмасоны;
В том тайна ваша и честь,
Что 666.

Затем следует присовокупление шестое: «Всеобщий чертеж наук и художеств», состоящий из небольших главок, в которых даются сжатые сведения по ряду разнообразнейших вопросов: о происхождении человеческих знаний, о поэзии и философии, о свойствах души и об употреблении наук, о предузнавании погод и о

системе мира, наказ врачебный и рудомет немецкий. Сто тридцать пять нравоучительных афоризмов, взятых из сочинения канцлера графа Оксенстирны снова предлагают читателю солидную порцию житейской мудрости:

Лжец есть хранилище ветра, эхо диавола и присяжный враг всея честности. История в рассуждении дел великих мужей бывает часто как микроскоп в рассуждении зримых в оный вещей. Гордость есть самое первейшее бытие в свете и всеобщее из всех развращений: но при том ничего нет безумнее и смешнее оного. Добродетельный человек есть в рассуждении своего отечества, подобно как луна в рассуждении ночи: он, выводя его из тьмы, дает ему сияние, коего б оно не имело без его заслуг. Игрок есть вор, который ворует, не опасаясь наказания правосудного. Надеяться на похвалу людей есть не иное что, как полагаться на ведреные дни весны и осени. Кто в счастии подвергается своевольству, тот скорыми шагами поспешает к своему падению.

В следующем далее «Кратком повестном летописце» сообщается, что первым царем Ассирийской монархии был НЕМВРОД, а у галлов первый король назывался ФОРАМУНД, в Ишпании — АФГАУЛФУС, в Польше — ЛЕХУС, а в Богемии — ЦЕХУС.

Русская хронология начинается с Рюрика, а кончается сообщением не то всерьез, не то в шутку, что с 1762 года Директором Морского Шляхетского кадетского корпуса состоит Виц-Адмирал, Генерал-Казначей и Кавалер Иван Логинович Голенищев-Кутузов. Возможно, что Курганов, преподававший в Морском корпусе математику, захотел почтить таким манером своего непосредственного начальника.

Есть что-то чрезвычайно трогательное в том усердии, с каким Курганов старается выложить на пользу и поучение читателей все свои сведения образованного и бывалого человека.

Следует еще седьмое присовокупление: «Словарь разноязычный», «Толкование имен человеческих», «Толк седмичным дням и месяцам», «Мнения о цветах», «Объяснение словаря». Любопытно, на теперешний взгляд, что в словаре дается толкование таким ныне общеизвестным словам, как бутылка — сулейка, стклянка; картина — рисунок, образ; почта — ям, подстава; портрет — образ, подобие; стул — седалище, кресло; студент — ученик высоких наук; табурет — скамейка; школа — училище; суп — похлебка, жижа.

Сумароков, осуждая тех, «Кто русско золото французской медью медит, Ругает свой язык и по французски бредит», вопрошает: «Безмозглым кажется язык российский туп: Похлебка ли вкусняй, или вкусняе суп?» Слово суп было тогда новым малоизвестным иноязычным словом.

«Мнения о цветах»: какой цвет что означает. Например, алый означает приятство, брусничный — ласкательство, голубой — постоянство, желтый — сомнение, малиновый — лицемерство, серый — непостоянство, а дымчатый — услужность.

В пояснении к словарю Курганов рекомендует вниманию читателей новиковский «Трутень» и «Адскую почту» Эмина — «обе оные книги между прочим забавно объясняют разные человеческие плутни и заблуждения».

В восьмое и последующие издания уже после смерти автора «Письмовника» был внесен большой раздел: «Неустрашимость духа, геройские подвиги и примерные Анекдоты русских и иностранных великих мужей и проч. особ». К чести Курганова надо отметить, что его «Краткие замысловатые повести» обнаруживают неизмеримо больше вкуса в выборе и изложении; язык его повестей, даже в тех случаях, когда он их пересказывает с иностранных источников — краток и выразителен, слог же позднейших анекдотов — вял и многословен.

Долгая и устойчивая популярность «Письмовника» свидетельствовала о появлении нового читателя из мещан и разночинцев. Н. И. Новиков, имевший большой опыт в издании книг, писал, что «у нас те только книги четвертым и пятым изданием печатаются, которые этим простосердечным людям, по незнанию ими чужестранных языков, нравятся».

Курганов нашел своего читателя, угадав его вкус и потребности. Автор «Письмовника» проявил себя талантливым педагогом, сумев в живой и занимательной форме сообщить уйму сведений и приобщить жаждущего знаний простеца-читателя к наукам и словесности.

Поистине — удивительны судьбы книг!

Перелистывая сейчас «Письмовник», думаешь, что вот ведь даже Льву Николаевичу Толстому не удалось свой «Круг чтения» сделать, как ему мечталось, настольной книгой мудрости для многих поколений, а вот — дилетант в литературе, «обсерватор, навигатор, астроном» Курганов своим «Письмовником» питал умы русских читателей чуть не сто лет. Я так и представляю восторженного любителя поэзии тургеневского Пунина с «Письмовником» в руках, а простодушный дьякон Ахилла из «Соборян» Лескова, свою песенку про «Купидона» почерпнул, конечно, из того же источника: она напечатана в «Соборе разных стихотворств».

С каждым годом «Письмовник» Курганова опускался все ниже по ступеням общественной лестницы. Теперь его читателями становятся грамотеи из народа, ученые на медные деньги. Вот что писал о них автор «Библиографической хроники» «Отечественных записок» в 1841 году: «У нас есть особый класс читателей: это люди только что начинающие читать, вместе с переменою национального сермяжного кафтана на что-то среднее между купеческим длиннополым сюртуком и фризовою шинелью. Обыкновенно они начи-

нают с «Милорда Английского» и «Потерянного рая» (неистовым образом переведенного прозою с какого-то реторического французского перевода), «Письмовника» Курганова, «Душеньки» и «Басен» Хемницера, — этими же книгами и оканчивают, всю жизнь перечитывая усладительные для их грубого и необразованного вкуса творения. Потому-то эти книги и издаются почти ежегодно нашими сметливыми книжными торговцами» [1].

В. Даль обнаружил «Письмовник» в нищенском наследстве варнака-ссыльного, который «жил бобылем и не оставил полтинника на еловую домовину»: «Пару глиняных чашек своей работы, пару ложек, тулуп, стеганый поддевок, два полукафтана — один плохой, другой получше, три рубахи и пару сапог роздали мы таким же голышам, каким был заживо тот, на которого мы справили теперь деревянный тулуп и отмежевали вотчину в косую сажень, письмовник Курганова и небольшую кипу листов, исписанных рукою покойника, я взял с собою» [2].

Ныне «Письмовник» Курганова книга редкая, особенно в хорошем, незачитанном состоянии. Обычно же внешний его вид свидетельствует о том, что побывал он во многих руках, много раз читан и перечитан и равнодушием читателя не обижен. После длительных поисков мне удалось приобрести «Письмовник». Мой экземпляр — издание девятое, выпущенное в 1818 году «иждивением Ивана Глазунова, вновь выправленное, приумноженное и разделенное на две части».

Беллетристическая часть «Письмовника» — «Краткие замысловатые повести», им книга эта больше всего обязана своей популярностью. Это собрание всевозможных историй и кратких притч, доб-

[1] «Отечественные записки», 1841, № 5. Библиографическая хроника, с. 4.

[2] В. Даль. Картины из народного быта. «Варнак». — «Русская беседа», 1857, Кн. 8, с. 34—35.

родушных и веселых, язвительных и острых, занимательных и лаконичных.

Герцен называет Курганова «блестящим предшественником нравственно-сатирической школы в нашей литературе». Его демократические взгляды, его ненависть к феодально-крепостническому строю проявляется и в выборе этих анекдотов, в их тоне и общей направленности. С удивлением и даже некоторой оторопью читаем мы в этой народной хрестоматии XVIII века такой «якобинский» анекдот: «Италианец, будучи вопрошен французом, у кого бы он лучше хотел быть в подданстве, у короля ли французского или у ишпанского, «Я бы желал видеть одного, повешена на кишках другого». Эту антимонархическую формулу мы найдем позднее среди потаенных стихотворений, приписываемых Пушкину, в несколько иной, более резкой редакции:

Мы добрых граждан позабавим
И у позорного столпа
Кишкой последнего попа
Последнего царя удавим.

Во многих из этих кратких повестей мы находим отклики на злобы тогдашнего дня. Есть в них и фольклор: о церковном погребении собаки; прелестный разговор двух нищих московских старушек; диспут шляхтича со слугою о черной и белой кости; новобрачный, разочарованный первой ночью; богомольная старушка, ставящая свечу бесу.

В анекдоте о ловком царедворце рассказан прозрачно замаскированный случай при дворе Екатерины; в этом и подобных анекдотах современники узнавали живых действующих лиц.

Так, в повести про спор именитого и заносчивого судьи с неродовитым «славным витием» мы угадываем в последнем Ломоносова

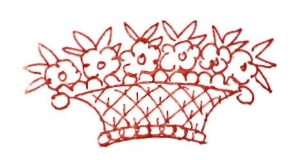
по его ответу: «Ежели бы вы были сыном моего отца, то бы вы и поныне еще *ловили с ним моржей».* Вообще, характерные черточки быта и нравов мы находим здесь во множестве.

Беллетристическая часть «Письмовника» особенно привлекательна для иллюстратора богатством типажей и ситуаций. Это пестрое карнавальное шествие, где появляются короли и папы, спесивые вельможи и придворные дамы, челобитчики и подьячие, астрологи и календарщики, волокиты и пригожие вольнодумки, скупцы и моты, худогласные певцы и гнуснообразные откупщики, знатные чужехваты и брюшистые монахи, рифмачи и лекари, музыканты и игрослушатели, рогатые мужья и лукавые жены, воры и нищие, арлекины и коломбины.

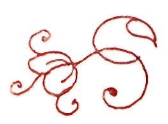
Мне показалось заманчивым вернуть из забвения эти достойные внимания миниатюры, в которых так выпукло отразился русский восемнадцатый век — убогий и нарядный, грубый и «щепетильный», дикий и изысканный.

Н. КУЗЬМИН

КРАТКИЕ ЗАМЫСЛОВАТЫЕ ПОВЕСТИ

Стряпчий, видя себя презираемого от президента ради его младости, сказал: «Правда, сударь, я молод, однако читал старые книги».

Некто, будучи превеликий усилок, а в одно время ни за что столь осерчал, что, позабыв себя, пришел в бешенство. Тогда один мудрец, ему знакомый, увидя его в таком состоянии, спросил, что ему сделалось, и уведомился, что он осердился за бранное слово: «Как! Неужели сей бедняк в состоянии нести тысячу фунтов, не может понести одного слова».

Франциск I, король французский, захотя посмеяться престарелой госпоже, бывшей великой красавице, сказал: «Давно ли, сударыня, вы возвратились из царства красот?» Отвечала она: «В тот же день, как ваше величество прибыли из Павии», — где он потерял баталию против императора Карла V, был там пленником и оттуда отправлен в Ишпанию.

Молодой звездочет, будучи в беседе, уверял, что солнце, а не земля обращается, и хотя выдти; тогда один шутник ему сказал: «Пожалуй, побудьте с нами немного, я хочу доказать противное вашему мнению. Знаете ли, что солнце оживотворяет, греет и печет все на земле?» — «Правда», — отвечал на то звездарь. «Так видно,— продолжал шут, — что не солнце, да земля вертится; ибо когда жарят птиц, тогда вертят их, а не очаг». —«Это правде подобно, — сказал другой,— но весьма далеко от мнения многих ученых мужей и от истины, и я знаю таких писателей, кои разумно утверждаются на том мнении». — «Может статься,— отвечал шут.— Да веришь ли, что правда в вине?» — «Слыхал...» — «Хорошо, так напейся же допьяна, тогда увидишь, что земля, а не солнце вертится».

То же доказано в следующих стихах:

Случились вместе два астронома в пиру
И спорили весьма между собой в жару.
Один твердил: земля, вертясь, круг солнца ходит.
Другой, что солнце все с собой планеты водит:
Один Коперник был, другой слыл Птоломей,
Тут повар спор решил усмешкою своей.
Хозяин спрашивал: ты звезд теченье знаешь?
Скажи, как ты о сем сомненье рассуждаешь?

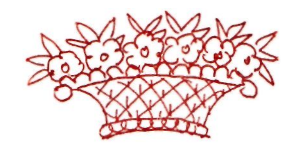
Он дал такой ответ: что в том Коперник прав;
Я правду докажу, на солнце не бывав,
Кто видел простяка из поваров такова,
Который бы вертел очаг кругом жаркова?

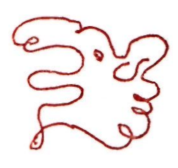
Велезрячий, идучи вместе на охоту с кривым, молвил оному: «Сказывают, что ты более, нежели я, ловишь».— «Правда,— отвечал кривой, — понеже я больше тебя вижу». — «Нельзя статься»,— сказал другой. А кривой ему: «О чем ты ни изволишь биться, я выиграю, потому что я у тебя вижу два глаза, а ты у меня один».

Стряпчий, очень гнусного виду и весьма курнос, не мог почти окончить своим чтением некоего дела в суде. Тогда советник, имеющий сановитый нос, сказал: «Нет ли у кого очков для сего господина?» Но он, не сердясь, на то отвечал: «Да пожалуйте, сударь, уже ссудите меня и вашим носом».

Богатого отца сын, гуляя по кладбищу, говорил сыну бедняка: «Могила моего батюшки выкладена мрамором, надпись положена золотыми словами, и вокруг пребогатая ограда, а могила твоего отца земляная, покрытая дерном». Тогда бедный сказал: «Молчи, прежде нежели твой отец может поворотить свои камни в день суда, тогда уже мой будет в раю».

В некоей беседе говорили, что доктора ни к чему годны. Тогда один стряпчий сказал: «Неправда, они по крайней мере надобны для убавки многолюдства». — «Но я, не защищая себя, скажу,— врач молвил, — что на меня никто не жалуется».— «Статься может, — повторил сутяга, — ибо ты своих соперников отправил на тот свет».

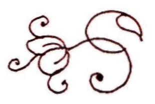
Старуха, хватя добрую чарку вина, пришла к вечерне и там, задремав, всхрапнула; другие толкнули ее, чтоб проснулась, тогда она возгласила: «Подносите внучке, а я более не стану».

Подьячий, при допросе некоего раскольника, говорил: «Буде у тебя совесть столь велика, как твоя борода, так сказывай правду».— «Государь мой, — отвечал суевер, — ежели вы совести бородами измеряете, то, видно, вы бессовестны — для того что голобороды».

Школьник, принеся чинить сапоги, у коих пробились запятки, говорил сапожнику: «О ты, куриозный транслатер, немалым трудом и п*о*том в науке и искусстве такого явного совершенства в починках обветшалых калькументов достигший, приставь мне два семицыркула к моим суппедиторам».

Поп свидетельствовал мальчика в катехизисе, который отвечал ему изрядно и после спросил самого учителя: «Отче, пожалуй, истолкуй мне один вопросец!» — «Какой?» — «У нас есть мерин, кто его сделал?» — «Бог». А малый: «Никак. Бог сделал его жеребцом, а мерином его мой бачко создал».

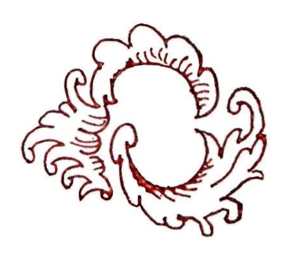
Некогда глупому дьякону случилось придти исходатайствовать себе священства; и как узнали — неуч, спросил его епископ: «Как! ты осмелился вступить в священный чин, ведая себя столь безумна?» Он отвечал: «Богу так угодно было». А тот: «Да не ложно есть в Писании, что и в осле была ему нужда».

Понеже кофе служит главным лекарством от печали, то некая госпожа, уведомясь, что ее муж убит на в о й н е , — «Ах, как я бессчастна!» — вскричала о н а , — скоро подайте к о ф и ю » , — и тотчас стала весела.

Диоген говорил, что в рассуждении философии, политики и медицины человек есть преразумное животное в свете, но, смотря на угадчиков и толкователей, снова можно его почесть за преглупую скотину.

Сестра, журя своего брата за картежную игру, от которой он промотался: «Когда ты перестанешь играть?» — говорила ему. «Тогда, когда перестанешь любиться», — отвечал он. «О бессчастный! Видно, тебе играть по смерть свою».

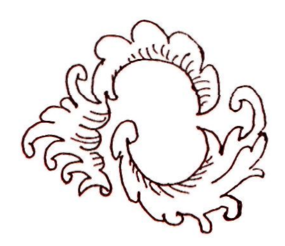

Одноглазый, встав рано, пошел в поле и на пути встретился с горбатым, которого он, поздравя с добрым утром, промолвил, насмехаясь: «Рано ты поднялся с своею ношею». — «Правда, — отвечал горбатый, — я нагрузился прежде, нежели у тебя еще одно окно было открыто».

Некто философ говаривал, что при царских дворах есть четыре добрые матери, имеющие четверых пренегодных детей, а именно: правда, рождающая ненависть; счастие — гордость; строгость — опасность; а любимчество рождает презрение.

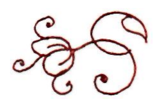
Трое иезуитов утром ехали сквозь лес и, как нападши на них воры, спрашивали, кто они таковы, то один из отцов отвечал: «Мы Иисусовой компании». — «Неправда, — сказали воры,— ибо у Иисуса никогда не было конницы, однако покажите ваши подорожные». — «На что такие вопросы? Вы можете нас признать по платью», — отвечали отцы. «Хорошо, мы знаем, что вы притворные беглецы, долой с коней, мы вам даруем жизнь, спасайтесь!»

У некоторого государя просил нищий богатого подаяния, называясь его братом. Царь же, рассмеясь, спросил его: «Как то могло статься и кто твой был отец?» — «Адам,— отвечал, — он есть всем нам общий отец». Тогда царь чрез своего лакея велел ему подать одну копейку. Но нищий с досадою сказал, что это не царебратское подаяние. На сие государь отвечал: «Если я всех таковых братьев по стольку наделю, то принужден буду продать все мое владение, и того бы для большей милостыни мало стало; поди, если всякий брат твой даст тебе столько же, то ты богатее будешь меня».

Велизарий о истреблении корыстолюбия сказал, что без некорыстолюбия нет прямой добродетели и что надежнейший способ к обузданию пороков есть уменьшение надобностей и роскошества. «Я некогда, — продолжал он, — спросил одного пастуха, отчего собаки его так ему верны». — «Оттого,— отвечал он мне,— что я-де кормлю их одним хлебом, а ежели бы кормил я их мясом, то бы они были волки».

Вор, пред судьями будучи в расспросе, стал плевать, кашлять и сморкать не переставая, тогда один из них сказал: «О, какой мерзкий!» — «Ваша милость, я стараюсь себя очистить». Другой подхватил: «Экой ты плут!» А тот: «Нет,— (и покашляв): — ваше милосердие». Третий: «Каналья ты». А он: «Как ваше благоутробие сказали, так било два».

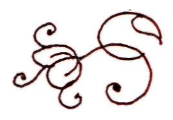
Мужик жаловался начальнику университета так: «Боярин! Меня обидели некоторые сего дому бездельники, а сказывают, что ты у них главный» и пр.

Подьячий сказал одному челобитчику: «Твой соперник дело свое перенес в другой приказ». А тот отвечал: «Пусть переносит хоть в ад; мой поверенный за деньги и туда за ним пойдет».

Госпожа хвалилась своим слугам — я-де сверзила своего соперника. Тогда один из них молвил: «Хорошо, сударыня, а то он, свинья, взял было тя за уши».

Проповедник негде в республике ради несогласия между судьями сказал в предике: «Боже, подаждь милость твою нашим приказным, дабы они союзно висели». Но глупец, тут будучи, вскричал: «Подай, боже, и что скорее, то лучше, всех добрых людей та молитва». Тогда он: «Благочестивые слушатели! Я не в той силе говорю, как сей мужик думает, я прошу, чтоб они висели на конкорде». А тот примолвил: «Что нужды? Как ни гордо, лишь бы удавились».

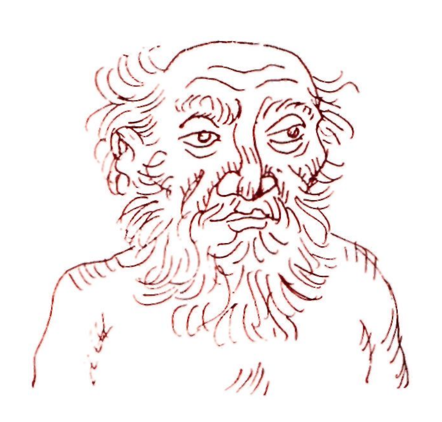
Неученый молодчик, желая написать письмо к своей любовнице и не зная его сочинить, купил книгу писем и читал ее довольное письмо, кое, списав, послал к ней. Но как у ней была такая же книга и в коей она, нашед то письмо с ответом, написала своему любителю так: «Государь мой, я письмо ваше получила, и, оборотя лист, увидите ответ».

Боярыня, по пожаловании мужа ее в воеводы, в первое воскресенье, стоя в церкви, увидела (будучи сама в задумчивости), что все люди и поп, пад на колени, стали молиться о дожде, и сказала почти всем вслух: «Когда я не умру и пока мой муж будет воеводою, то всем я вам услужу».

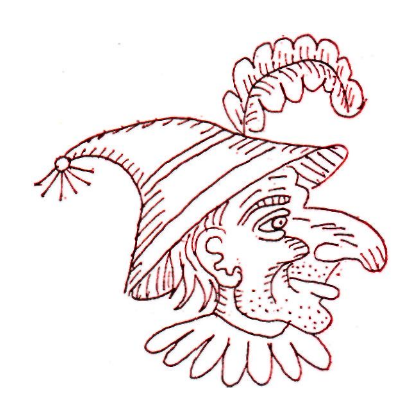
Некий царь спросил одного мудреца, для чего философы прибегают к государям, а не видно, чтоб государи искали философов. Он на то: «Для того, что философы знают их нужду, а такие цари не признавают своего недостатка в добродетели, мудрости и в добром совете и не думают поискать тех, кто бы их мог в том поправить».

Франциск I наложил у себя некую новую подать. Тогда ему донесли как об оскорблении величества, что народ, несмотря на его особу, очень ропщет. На то он, смеясь, сказал: «Пусть они говорят, надобно им за свои деньги иметь некое утешение».

Во время обеда некто, захотя посмеяться над шутом, стоящим по другую сторону стола, спросил его: «Какая есть разность между тобою и дураком?» Шут ответствовал: «Только стол».

Женщина, не хотя терпеть подлипалу, докучающего ей о любви, отказала ему разумно так: «Когда я была ребенком, тогда повиновалась моей матери, на возрасте слушалась моего отца, а теперь покорна моему мужу. Так ежели ты от меня чего хочешь, то посоветуй с ним».

Некий шут, будучи вопрошен о числе всех глупых в городе, отвечал: «Это весьма трудно, но лучше бы меня спросили об умных, коих очень немного».

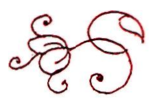
Некто пришел на исповедь и между прочими грехами покаялся, что он теперь лишь побил свою жену. Духовник спросил тому причину. Но тот сказал, я-де к сему привык, потому что мало памятен, и не могу упомнить всех грехов, а когда побью мою жену, то она мне выговорит все, что я худого в жизни сделал, и чрез то легко могу исповедаться.

Француз, захотя посмеяться русаку, приезжему в Париж, спросил: «Что такое значит парабол, фарибол и обол?» Но тот вскоре ему отвечал: «Парабол есть то, что ты не разумеешь; фарибол то, что ты говоришь, а обол — чего ты стоишь».

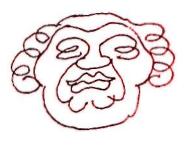
Философ, будучи на море во время великого шторма с худыми людьми, призывающими тогда бога, дабы их спас от потопа, сказал им: «Молчите, чтоб он забыл, если то станется, что вы здесь».

Никакой народ не получает столько имен при крещении, как ишпанцы. Случилось одному ишпанцу, пришедшему ночью в сильный дождь, который его пробил до кожи, в корчме просить ночлега и стучаться у ворот. Тогда хозяин, встав, спросил: «Кто?» А он отвечал: «Дон Санхо Алфонс Рамир Педро Карлос Франциск Доминик Стунига» — и прочее. Хозяин, имея у себя только одну порожнюю постелю, отвечал грубо, что у него для такой ватаги ночлега нет, и опять лег спать, а тот глупец принужден брести далече до другой корчмы.

Некий богач, говоря о философах: «Не знаю, — сказал, — что их за книги и к чему годна их философия и мудрость; понеже оные люди так же часто стучатся у моих ворот, как и неученые».

Некоторый король докучал одной знатной госпоже о любви. Она ему на то разумно ответствовала: «Ваше величество! Женою вашею быть я очень бедна, а полюбовницею — знатна».

Некий господин, в яснодневие послав своего садовника в сад на работу, захотел сам посмотреть. Вошед туда, обзирал всюду, дабы увидеть работника, и, не усмотря его нигде, пошел под деревья, где и нашел его

спящего и, оного разбудя, сказал ему: «Так-то ты работаешь, бездельник? Ты не заслуживаешь дневной пищи и не достоин солнечного освещения». — «Я то сам, сударь, признаваю и для того лежал под тенью».

Государь, смеясь одному своему вельможе, который ему служил во многих посольствах, сказал: «Ты походишь на осла». А он ему на то: «Я на кого похожу, не знаю, токмо ведаю, что я имел честь вас представлять во многих случаях».

Некий поселянин, приехав в город к своему сродственнику, между прочим спросил его, какую он имеет должность, но тот отвечал: «Великую...» — «Однако какую?» — «Жену с девятерыми детьми».

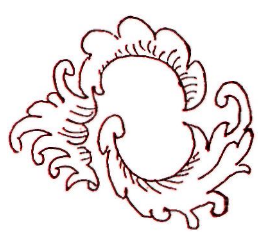

Некоторый министр недальнего ума, будучи на пирушке, стал глумиться толщине своего брюха и, ударяя по нем, хвалился, что оно многого стоило обществу. Тогда некая госпожа на то сказала: «Гораздо бы было полезнее, когда бы такое иждивение потрачено было для головы сего столповщины».

Химик, издав на имя папы Леона X такую книгу, в коей хвастал научить способу, как делать золото, и ожидал за то великого награждения, но папа, послав к нему пустой большой кошелек, приказал сказать, что ему теперь в том только и нужда, во что бы класть оное сокровище.

На обиженного купца плутами негде напали воры и спрашивали у него денег, то он им очень учтиво отвечал: «Государи мои, я теперь лишь повстречался с такими честными людьми, как и вы, меня лишили кошелька и денег».

Некая баба прегнусной фигуры спрашивала мужа: «Кого из твоей родни тебе угодно, чтоб я посещала?» Он на то: «Друг мой, кого поволишь, только я отсутствием твоим весьма буду доволен».

Некоторая госпожа, разговаривая с одним кавалером, между прочим сказала ему, что она хочет знать его полюбовницу. Но он несколько отговаривался и наконец во удовольствие ее любопытства обещался ей прислать портрет. Наутро получила от него сверток с небольшим зеркалом и, в оное поглядясь, узнала любовь его к себе.

Мужик весьма слезился и пришел в отчаяние оттого, что его жена удавилась на груше в его огороде; тогда сосед, увидя его в такой печали, подошед к нему, сказал тихонько на ухо: «Как тебе не стыдно о сем крушиться, ты бы радовался! Дай мне прививочек той груши посадить в моем саду, авось либо и у меня будут таковые же плоды».

Ишпанец, будучи на корабле, одержимом великою бурею, и когда капитан для сбавки грузу приказал бросать в море все беспокойные и тягчайшие вещи, тогда он, схватя свою жену, хотел ее повергнуть в море. Но как начальник спросил тому причину, то он отвечал: «Я ничего беспокойнее и тягостнее не имею, кроме моей жены, и для того хочу ею ваше командирское приказанье исполнить».

Некто несносный рифмач, начав только читать некоему своего сочинения поэму, спросил слушателя: «Которые стихи из сих лучше?» — «Те... коих ты еще не читал, потому что они меня не беспокоили».

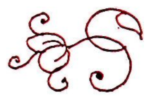

Двое пажей, гуляя по городу, встретясь с мужиком, бьющим крепко своего осла, сказали ему оба: «Как ты не сжалишься, муча толь бедную скотину?» Тогда мужик, сняв шляпу, сказал: «Прости меня, господин осел, я не думал, что ты им знаком и имеешь у себя таких приятелей».

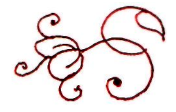
К забавному бедняку пришли ночью воры; тогда он, нимало не осердясь, сказал им: «Не знаю, что вы можете, братцы, найти здесь в такое время, где я и днем сам почти ничего не нахожу».

Некоторый царь спросил мудреца: «Сколько ты богат?» — «Столько же, как и ты,— отвечал о н , — ибо ты и я живем на божием иждивении: отходя от сего света, никто с собою лишнего не возьмет».

Хромой негде встретился с горбатым и, захотя ему посмеяться, сказал: «Здравствуй, брат, нет ли чего нового в твоем чемодане?» — «Тебе,— отвечал горбатый, — надобно более знать, ибо ты всегда то туда, то сюда ходить изволишь».

Некогда императору Августу сказал придворный: слух-де носится, что ваше величество вознамерены меня чем-то пожаловать. Он на то: «Как можно опасайся тому верить!»

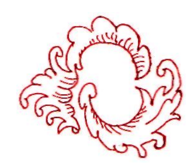
Некоему ишпанскому адмиралу в торжественный день захотелось посетить королевские галеры в намерении оказать свое милосердие освобождением некоторых невольников, и спросил их, для чего они здесь? Тогда всякий извинялся разными оправданиями и силился его уверить о своей невинности; но один из них, откровенно ему признаваясь во всех своих винах, говорил, что я-де достоин гораздо больше сего наказания, какое теперь претерпеваю. «Сгоните сего негодного человека, — сказал адмирал, дав ему свободу, — дабы от него не заразились все те честные люди».

Гасконец, пришед в сапожный ряд, выбрал сапоги и, надев, сказал, что теперь-де у меня денег нет. Продавец стал просить сапоги, но тот, вздумав их унесть, побежал по рынку, а за ним хозяин, крича: «Держи». Некоторые хотели было оного вора одержать, но как он им сказал, не мешайте, у нас-де заклад, кто кого выпередит, я-де в сапогах, а он в лаптях, тогда всем рынком закричали: «Ура! Сапоги выиграли».

Юпитер, изготовя пир, позвал к себе прочих богов; тогда Купидон и Момус, встретясь при дверях палатных, долго спорили о предшествии. Первый начал тому говорить с великою учтивостью, но другой, почтя его за ребенка, стал его ругать, и дошло до драки, в коей Момус, не разумея никогда шуток, выцарапал глаза Купидону, который ходил жаловаться богам, кои рассудили, что когда Купидон от Момуса лишился зрения, то пусть он будет его вечным руковождем. Сего для с того времени глупость везде предводительствует Амуру, или любви.

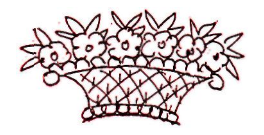

Шляхтич, собравшись ехать рано на охоту, приказал слуге разбудить себя в 6 часов. Слуга, встав за час, увидел боярина своего еще спящего и, разбудя его, сказал: «Извольте, сударь, поскорее выспаться, уже один только час вам опочивать остался».

Двое ученых, один русак, а другой пруссак, спорили о старом и новом штиле. Пруссак многими доводами доказывал, что григорианское счисление вернее старого, говоря, что в 1592 году от искусных математиков

найдено 10 дней излишка в старом календаре, считая от Юлия Кесаря по сие время. «Тем для нас лучше, — отвечал русак, — ибо, когда новое счисление верно, то последний суд будет у вас ранее, нежели у нас, и когда дойдет до нас, то уже ад будет полон».

Дворянин, ехав из села в другое и встретясь на дороге с пригожею крестьянкой, коя перед собою гнала осла, сказал ей: «Куда ты идешь, красавица?» Она ему на то — в такое-то село. «Знаешь ли, дружок, там такую-то барышню?» — молвил он. «Знаю, сударь». — «У себя ли она теперь? Так, пожалуй же, прошу тебя, — сказал он и хотел ее поцеловать, — отнеси ей мой поцелуй». Но она на то: «Извольте сие послать с моим ослом, он туда прежде меня придет».

Кавалер, будучи жестоко влюблен в некую девицу и некогда гуляя в саду и увидясь с ней, спросил вдруг: «Позвольте сказать, сударыня, каким средством можно дойти до вашей спальни?» — «Церковью», — отвечала она.

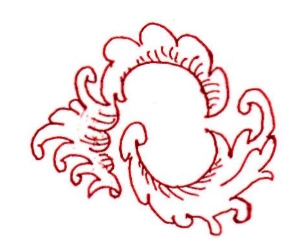

Некоему господину случилось с своею молодою супругою быть в одной беседе. Но как прочие барыни между собою говорили, то захотелось показать себя и сей госпоже, которая стала рассказывать о всех хитростях, какие некий полюбовник употребил для входу ночью в спальню к любимой им барыне в небытность ее мужа, и по несчастию, когда они были наедине, то вдруг муж начал стучаться у ворот: «Так представьте себе, матушки, в каком я находилась тогда смущении».

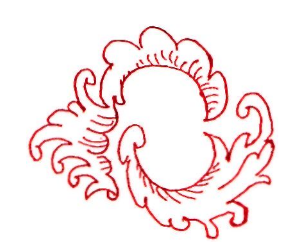

Некая княгиня, будучи у одного посла и увидя предорогую картину, весьма расхвалила. Посол в знак любви послал оную к ней. Но она, получа ее, показала своему мужу, который на оную очень пристально смотрел. «Что вы скажете, душа моя,— молвила о н а , — о сем подарке, полученном мною от такого-то посла?» — «Я не имею, друг мой, более на то с к а з а т ь , — отвечал князь, удивляясь сам доброте оной к а р т и н ы , — как сие: или оный посол очень глуп, либо я».

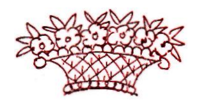

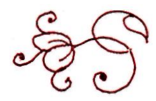
Молодец, женясь незаведомо на весьма непостоянной девке и узнав то, всячески старался ее исправить, но, усмотря в том худой успех, жаловался ее отцу, с тем что он с нею хочет развестись. Тесть во утешение ему сказал: «Должно тебе, друг, потерпеть, ибо мать ее была такова же, и я не мог так же найти никакого средства, да после, на 60-м году, собою исправилась, и так думаю, что и дочь ее в таких летах будет честною, и уверяю тебя в том быть благонадежну».

Юноша за столом попросил кушанья, а отец ему сказал: «Это неучтиво — просить самому, ты должен ждать, что тебе дадут». Голодный мальчик видит, что все едят, а ему ничего не дают, молвил своему отцу: «Батюшка, пожалуйте соли». — «На что тебе?» — отвечал отец. «Посолить кушанье, кое вы пожалуете». Тогда отец, увидя у него пустую тарелку, дал ему кушанье без дальной его просьбы.

Мужик просил своего соседа, чтоб его ссудил ослом. Сосед на то: «Я-де его послал другому и сожалею, что ты не сказал прежде». Но в то время осел заблеял. «А! — молвил сосед, — вот и твой осел говорит, что это неправда, видно, брат, как ты ссудлив». — «Как тебе, дураку, не стыдно, — молвил другой,— что ты более веришь ослу, нежели мне!»

Случилось за столом говорить об астрологах, что они много предсказывают, а ничего не сбывается. Хозяин же сам сказал: «Неложно, господа, таких угадчиков всегда почитают за безмозглых скотов». Слуга, услыша то, нес телячью голову на стол и дорогою съел из нее мозг; но как хозяин, осмотря, спросил, что это за безмозглая голова, — «телячья, сударь,— отвечал малый, — ибо теленок был астролог».

Глупенькая старушка, будучи в церкви и выменя две свечки, одну поставила пред образом святого Михаила, а другую, не рассмотря, — пред пораженным демоном. Дьячок, увидя, сказал ей: «Ах! Что ты делаешь, бабушка, ведь ты эту свечку ставишь перед дьявола». Она на то: «Не замай, батюшка, не худо иметь везде друзей, в раю и в муке, мы еще не знаем, где будем».

Некогда спросили Александра Великого, каким средством он дошел до такой степени славы и величества? Он отвечал: «Добрыми моими поступками с моими злодеями и старанием, кое мною употреблено для снискания непременной ко мне любви в моих приятелях».

Скоморох, неся под плащом вязанку дров, сказал сошедшему с ним мужику: «Дале, глупец, ты изломишь мою лютню». Мужик остановился, а игрок не успел отойти десяти шагов, как у него выпало полено, что тот, увидя, вскричал ему: «Господин, подыми упадшую струну от вашей лютни».

Трое мудрецов: один грек, другой индиец, третий из Персии — между прочим рассуждали о том, какое человеческое состояние есть самое беднейшее. Тогда грек сказал: «Старость, угнетаемая болезнями и нищетою». Индиец: «Быть в нестерпимой болезни». Но когда персидский мудрец молвил: «Умереть без добрых дел», — тогда и прочие в том согласились.

У молодых господичев часто бывают такие учители, кои их более ласкают, нежели исправляют. Шляхтич, окончa науки, спросил своего слуги: «Что я лучше выучил?» Слуга на то: «Ездить верхом, потому что лошади ласкать не умеют».

Один другого назвал вором, а доказать не мог, и так сия правда тому была досаднее лжи. Вор, взяв свидетелей, позвал того пред судью, который присудил, чтоб он то доказал или признал его за честного человека. Но тот, выдумав избежать неправды, двойным обиняком: «Это правда, он честный человек, я солгал».

Некая княжна, будучи девицею во всю свою жизнь, и на преклонном своем веку ослепла. Негде нищий слепец ее улуча, вскричал: «Милостивая государыня, сжальтесь над бедным человеком, лишившимся светских веселостей». Она, слыша то, спросила у своей рабы: «Какой это человек, не евнух ли?» — «Нет, сударыня... Нищий слепой». — «Ах, бедный человек! А я думала другое».

Некто неженатый советовал мудрецу Епиктиту жениться, представляя, что это весьма пристойно философам. «Когда т а к , — сказал он,— то, пожалуй, выдай за меня дочь свою».

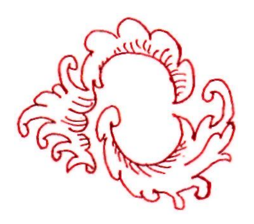

Некая госпожа, беспокойная в своем болтании, спросила лекаря, отчего у ней зубы падают. Он ей на то: «Оттого, сударыня, что ты их часто своим языком колотить изволишь».

Император Конрад III, взяв с великим трудом город Мунич, думал приказать рубить на голову всех мужчин, а женщинам дозволить выдти из города, взявши с собою что получше. Жены, пользуясь сим дозволением, взяли своих мужей за корташки и понесли на себе, говоря, что только у нас и свету в очью и лучшего сокровища. Сей вымысел так убедил государя, что он простил всех тех жителей и их царя, которого хотел было вовсе разорить.

Немец просил своего пастора о наставлении: какую молитву читать поутру, вставая с постели? Он ему на то: «Говори: Владыко господи, сохрани меня от злого дворянина, от бессовестного подьячего, от алгвазила, от откупщика, от лекарей и аптеки, от слушающих каждое утро по две обедни и от стряпчих».

Некий поп вздумал по духовенству пожурить линьком одну женщину за ее грехи, но муж ее, будучи с нею, сказал: «Батюшка, она очень нежна, и ежели угодно, то я за нее сие вытерплю». Духовник начал отправлять свою должность, а баба вскричала: «Бей его, друга, крепче, ради меня — окаянной многогрешницы».

Некоторый воевождь стал лагерем в весьма неспокойном месте и, слыша ропот от неких воинов, сказал им: «Когда вы хотите бранить своего начальника, то отойдите подале от его ставки, чтоб он, услыша, не велел вас за то наказать».

Поп, поссорясь с одной бабой на пирушке, грозил ее за то поколотить. Но она, ударяя себя по бедре, сказала: «Дай боже ей здоровье, я тебя нимало не боюсь». Поп: «Поди ну к черту, плёха», — а она закричала: «Извольте, господа, прислушать, он открыл мою исповедь».

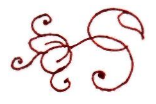

Некоторый командир никогда не жаловал просьб о награждениях, то некто подчиненный вздумал ему доложить так: «Я, нижайший, по службе моей признаю себя достойным награды, но ведая, что вы по просьбе ничего не делаете, а о не смеющих сим вас трудить не вспомните, так прошу вашего благоутробия, дать наставление, как мне в том поступить».— «Экой нетерпеливый, — сказал начальник, — позови нашего дьяка, я сейчас велю тебя в том удовольствовать».

Зело брюшистого монаха, идущего улицею, спросила некая насмешница: «Отче святый, когда вы родите?» — «Когда найду повивальную бабку», — отвечал он.

Император Адриян спросил Епиктита, для чего представляется Венера нагая. «Для лучшего к ней почтения,— отвечал философ, — а более для того, что она обыкновенно делает тех почти нагими, кто ее веселостью очень страстно пленяется».

Одна юношка, покушав чрезмерно плодов, получила запор. Лекарь хотел было поставить ей клистир, но ей казалось сие столь противно, что она лучше хотела умереть. Мать же ее сказала, что неотменно то надобно сделать. Бедная девка не могла более отговориться, заплакав, молвила: «Теперь-то я знаю, как безвинные страдают за виноватых».

Матроса, идущего на корабль, отправляющийся в Шпицберген, спросил философ: «Постой, братец, скажи

мне, где твой отец умер?» — «В потоплении корабля...» — «А дед?» — «Потонул же, ловя рыбу в бурную погоду...» — «А прадед?» — «Так же пропал с кораблем...» «Как же ты смеешь вдаваться морю, ведая, что все твои предки там погибли, это признак безрассудной отваги?» — «Господин мудрец,— отвечал матрос, — как то ни есть, однако и я имею не меньше причин; пожалуй, скажите, как ваши предки преставились?» — «Весьма блаженно на своих ложах!» — «Ах, для чего же вы не боитесь ложиться на вашу постелю?»

Случилось одному епископу прийти к папе, а в то время считали у него множество червонных. Тогда папа сказал: «Видишь, что церковь ныне не в том веке, когда говорили — не имею ни злата, ни сребра». (Деяние, 2.) «Правда, святой отец,— отвечал епископ, — да и тщетно ныне сказать расслабленному — восстани и ходи».

Некоторый оратор, чрезмерный толстяк, вышел для сказывания речи во время мятежа, тогда народ, увидя его, засмеялся. «Господа! — сказал он. — Вижу, что вы смеетесь моему дородству, но жена моя еще меня толще, однако когда мы в согласии, то довольно нам одной постели, а когда побранимся, тогда нам и всего дому мало». И тем укротил народный мятеж.

Музыкант жаловался на игрослушателя, который обещал, а ничего ему за то не дал. Но тот сказал: «Мы просты, ибо ты утешал мой слух приятным звуком, а я тебя моим обещанием».

Некий знатный господин, будучи в великих долгах, и при смерти своей сказал духовнику: «Я прошу бога хотя продолжить мою жизнь, пока выплачу долги». Поп, думая то вправду, отвечал: «Это хорошее обещание, авось-либо бог и услышит твою молитву?» — «Ежели бы бог явил такую милость, — молвил больной, оборотясь к своему приятелю, — то бы я никогда не умер».

Некто хвалился своею храбростию, а во время битвы убежал. Другой, увидя, спросил: «Где та бодрость?» — «В ногах», — отвечал трус. А тот: «Правда, ему всякая рана смертельна, потому что он весь сердце».

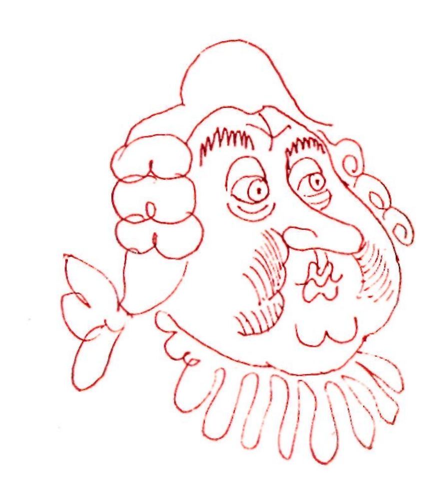
Некто шляхтич, известный неублюдок, вздумав посмеяться над Цицероном, что он был из подлого рода, спросил у него: «Кто бы такой был твой отец?» Но Цицерон, переворотя его вопрос, сказал: «Твоя мать сделала так, что тебе весьма трудно угадать, кто бы такой был твой отец».

Француз говорил, что многие русаки портятся в чужестранных землях. «Это правда,— отвечал русак, — но всякий иноземец исправляется в России».

Сикст V достал папежство таким средством: делался часто больным и большую часть года жил в своих деревнях, а для лучшего притворства ходил сугорбясь и кашлял, ведая, что обычно избирают в папы престарелых и дряхлых кардиналов, дабы можно многим дойти до сего достоинства. Как скоро тогдашний папа умер, так прочие кардиналы избрали Сикста главою духовенства, думая, что он очень хвор. Но после того вскоре стал он ходить прямо и казаться здоров. Тогда один его любимец спросил: «Отче святый, отчего вы спрямились, сделавшись папою?» — «Оттого,— отвечал понтиф, — ибо я, будучи кардиналом, горбился для сего, чтоб сыскать ключи святого Петра, а теперь я их уже нашел».

Ишпанский вельможа захотел при себе иметь ученого человека для разговору, приятель его представил ему стихотворца, который, будучи вопрошен, знает ли он делать стихи, отвечал: «Вы можете увидеть из моих трудов». И наутро принес к нему великое число романов (сказок и басен) и прочих ишпанских стихов всякого рода. Вельможа, увидя то, сказал приятелю: «Сей рифмач мне не нравится». — «Для чего?..» — «Потому что не знать стихотворства надобно быть великому невежде, а наделать столько, что он мне показывал своего сочинения, должно быть глупцу». Сия повесть есть добрая сатира на тех, кто единственно упражняется в стихотворстве.

Некто грек сделался мусульманином. По прошествии шести месяцев соседи, приметя, что он не отправляет ежедневно обыкновенных пяти молитв, привели его пред судью, чтоб за то наказать. Судья спросил тому причину. Он отвечал: «Государь мой! Когда я сделался мусульманином, не вы ли сами тогда мне говорили, что я стал так чист, как переродился?» — «Это правда...» Но он: «Когда так, а понеже нет более шести месяцев, как я в вашей вере, так можно ли требовать молитвы от полугодовалого младенца».

Мудреца прегнусной фигуры Езопа некто шутник взял за руку и, приведя к резчику, сказал: «Как это, разумеешь ли?» И после ушел. Философ, удивясь сему, спросил о причине. Резчик на то: «Тот господин просил меня вырезать черта, а я ему отказал за неимением у себя образца, так знай, как он тебе насмеялся».

На некий пир пришел шут, коего увидя, дворецкий стал его высылать как незваного гостя, говоря ему, что он лишний. Но шут ему отвечал: «Ошибаешься, друг мой, перечти снова, начиная с меня, так узнаешь, что я не лишний».

Нуманцы, народ весьма храбрый, были обращены в бег от Сципиона. Старики их, увидя сие, стали их порицать трусостию, говоря: «Разве вы бились не с теми же римскими овцами, коих мы многократно прогоняли?» — «Это правда,— отвечал один в о и н , — что овцы те же, но пастух у них другой».

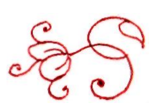
Грек, находясь в службе у Дария, держался своего закона. Тогда царь, призвав его пред себя, стал ему повелительно советовать о принятии их веры. «На что вам это? — сказал г р е к . — Ибо когда я богу солгу, то как могу быть верен моему государю?»

Некто насмеялся чужеземцу, что у них за морем нет хороших язычных учителей. Тот ему доказал: «Потому что у вас наши перукмахеры, кучеры и цирюльники часто бывают почетными учителями».

Фалес-мудрец, на вопрос, сколько далеко отстоит правда от лжи, отвечал: «Как глаза от у ш е й», — то есть гораздо то вернее, что видим, нежели — что слышим.

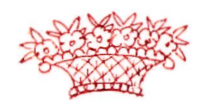

Цицерон говаривал, что ложные друзья подобны ласточкам, кои летом появляются, а зимою улетают. Так и те толпами приходят в счастии, а в несчастии все отбегают. А непостоянство фортуны похоже на молодую девку, коя, оставя прежних своих полюбовников, ищет помоложе.

Некто пришел к славному живописцу и, увидя его детей непригожих, сказал: «Удивительно, что ты портреты делаешь хорошие, а детей дурных». Маляр ему на то: «Что вам дивно? Ведь портреты-то я делаю днем, а детей ночью».

Бережливый вопрошен, для чего он, будучи в глубокой старости, живет скупо? «Для т о г о , — отвечал о н , — чтоб по смерти лучше оставить что-нибудь неприятелям, нежели заживо лишиться приятелей». Разумел он: где деньги, там и друзья.

Камбис, грозный государь и гонитель неправды, приказал с одного своего судьи и любимца содрать с живого кожу за взятки и неправосудие и покрыть ею стул; и, пожаловав сына того в судьи, велел ему всегда садиться на том стуле.

Антигон царь, будучи вопрошен, как можно победить своих неприятелей, отвечал: «Силою и храбростию, и ежели недостанет львиной кожи, то надобно пришить к ней и лисью».

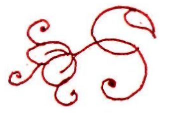
Некая пожилая госпожа, будучи в беседе, крепко спорила, что ей нет более сорока лет от роду. Тогда хозяин, знав, что ей больше пятидесяти лет, сказал: «Можно сему поверить, потому что она уже более десяти лет нас о том уверяет».

Сократ советовал молодым людям смотреться в зеркало для того, что ежели они пригожи, то опасались бы то делать, что несходно с их красотою, а когда они дурны, то бы старались наградить телесные недостатки лучшею добродетелью и разумом. Чего ради должно им держаться юности честного зерцала, то есть учения честного жития (книжка на русск.).

Некто Диогена, идущего дорогою, спросил: «Откуда ты идешь, куда, зачем?» Он отвечал: «Из кадки, к друзьям, за деньгами».

Стряпчий и лекарь негде спорились о том, кому наперед идти, и избрали Диогена в третьи, который тотчас в пользу стряпчего решил: «Вору надобно идти наперед, а палачу за ним».

Старик говорил: «Когда дети бывают остроумны в юношестве, то под старость делаются великими глупцами». А ему на то сказали: «Ежели это правда, то ты был младенцем превосходный разумник».

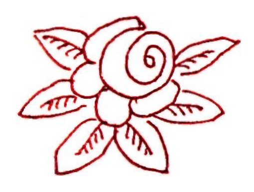
Александр Великий спросил у одного славного пирата (морского разбойника), взятого в полон: «Для чего ты разбойничаешь?» — «Для своей пользы, — отвечал пират, — равно как и ты обык то же делать, а разбойником меня называют потому, что я имею один капер (мореходное судно), а вас, имеющего великое войско, величают царем». Сей смелый ответ столь царю понравился, что он без всякого наказания его отпустил.

Князю Ромодановскому случилось судить одно дело, в опровержении которого подьячие, отважась, представляли ему, что он и сам претерпел многие обиды от неправой сей стороны. «Оставьте это, — сказал нелицемерный судья, — и говорите о вашем деле, я здесь сужу не для себя, но для общества».

Женщины, сидя в осеннее время при долине на травке и увидя мимо идущего седого старика, сказали ему во издевку: «Разве уже на горах есть снег?» — «Статься может,— отвечал старец, — уже и коровы сошли на мураву в долины».

Афинские посланники, бывшие у Филиппа, по возвращении своем хвалили сего государя за то, что он пригож, велеречив и много может пить. «Эта похвала, — сказал один мудрец, — государю неприлична, ибо первое дарование пристойно женщинам, второе — риторам, а третье — грецким губкам».

Турецкого посла посетили многие придворные дамы, чрезмерно разрумяненные. Тогда он, будучи вопрошен, которая ему кажется пригожее других, отвечал: «Сего я сказать не могу, ибо я в живописи неискусен».

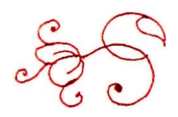

Афинодор-мудрец, отъезжая от Кесаря Августа в свое отечество, дал ему последнее наставление: «Кесарь, когда ты осердишься, то помни, чтоб тебе не делать ничего до тех пор, пока не прочтешь всех азбучных букв».

Диогена бранили за то, что люди ему так, как скоту дивятся. «Неправда,— отвечал Диоген, — но скоты мне удивляются так, как человеку».

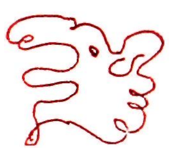
Друзья Сократовы оказывали неудовольствие в том, что один человек, которого он поздравил, не отдал ему поклона. «На что сердиться? — сказал мудрец. — Видите, что я его учтивее».

Мужик, будучи обижен от соседа, пошел к воеводе жаловаться и подарил ему кувшин молока, а виноватый, снеся поросенка, выкрутился. Тот, сожалея, спросил подьячего: «Ах! Где-то мое молоко?» Подьячий, открыв тайну, сказал: «Выпил поросенок». — «Эка мерзкая скотина, пострелило бы ее горой».

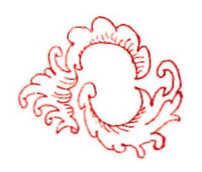
Двое стряпчих спорились об остроте своего разума и проворстве, и один сказал: «Я тебя сто раз могу продать, нежели ты меня однажды».—«Это правда, —отвечал другой,—потому что ты ничего не стоишь».

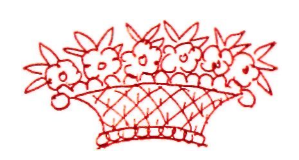
Некто, насмехаясь одной госпоже, которая величалась должною знатностию и высокоречием, сказал при ней своему слуге: «Господин мой лакей, доложи господину моему кучеру, чтоб он изволил господ моих лошадей заложить в госпожу мою карету».

Филипп, слыша негодование от сына своего Александра, что он имел многих братьев от разных матерей, сказал: «Александр! Когда ты видишь многих себе сверстников и преемников империи, то старайся быть столь добродетельным и храбрым, чтоб ты мог получить скипетр лучше чрез свое достоинство, нежели чрез мою милость».

Некоторый старик имел много у себя детей и, будучи при смерти, призвал их пред себя и, раздав им по пучку прутьев, спросил: «Можете ли вы оные разом переломить?» Но как они от того отказались, называя то невозможным делом, тогда отец им сказал: «Отселе научитеся, мои детки, что ежели вы станете жить единодушно, то будете счастливы и страшны вашим неприятелям, а если несогласно, то ослабеете и легко можете быть в порабощении».

Мудрецу малопитущему сказано: «Ежели все люди так будут пить, то вино весьма одешевлеет». Он отвечал: «Еще дороже, когда всяк будет так пить, как хочет, а я пью, сколько хочу».

Глупенький молодчик, захотев посмеяться пожилому человеку при одной красавице, спросил его, как он стар. «Я то не очень помню,— отвечал м у ж , — а только знаю, что двадцатилетний осел гораздо старее шестидесятилетнего человека».

Некий мореходец вопрошен, какое бы морское судно было безопаснейшее. Отвечал он: «Которое уже в гавани назначено в ломку».

Спросили одной профессорши, для чего она бездетна, имея у себя давно молодого и дородного мужа. Отвечала она: «Признаюсь, что муж мой искусен математике, да несилен в мултипликации».

Некоторый поп очень больно подрался с женою. Сродники ее стали его журить, что ему паче всех должно утолять свои страсти и быть примером благожития. «Да ведь я то и делаю,— сказал им пресвитер, —подражая апостольскому учению: наказую плоть мою и в послушание пленяю, ибо муж и жена суть два в плоть едину».

Некий судья счастливыми в свете называл докторов потому, что их удачливые случаи видит солнце, а ошибочные земля скрывает. Он же одному врачу, который хвастался, что его искусство прибыльнее, сказал: «Правда, твое ремесло выгоднее моего потому, что ты хотя и многих на тот свет отправил, однако за такое убийство еще не повешен и ни однажды ничем не сечен».

Платон одному из своих слуг, который достоин был наказания, погрозил так: «Быть бы тебе биту, глупец, ежели бы я не осердился».

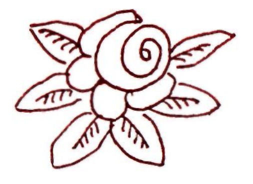

Некоторый шутник спросил у другого, который час. Тот отвечал ему: «Теперь такой час, в котором в Ишпании ослы купаются».— «Я очень дивлюсь, — молвил первый, — что ты еще не в воде».

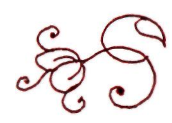

Вельможа порицал своего любимца тем, что он часто лжет. «Это правда,— отвечал лицемер, — что я, хваля тебя, много погрешил».

Диоген, будучи вопрошен, в котором часу должно обедать, отвечал: «Богатый, когда хочет, а убогий, когда может». Однажды он назвал себя собакою. Тогда некто спросил, для чего он себя так порицает. «Для того, — сказал мудрец, — что я злых кусаю, на не подающих мне ничего лаю, а благодетелей ласкаю».

Ему ж случилось, сидя на улице, обедать, то собравшийся около него народ стал ему смеяться и называть собакою. «Врете вы,— сказал он, — разве те собаки, которые, около меня стоя, ждут, чтоб я им что-нибудь бросил».

Антисфен вопрошен: «Каким образом должно ко двору приходить?» — «Как к огню,— отвечал мудрец, — не очень близко, чтоб не ожечься, и не очень далеко, чтоб не озябнуть».

Диоген, идучи дорогою, поклонился одному судье, а он перед ним и шапки своей не помял. «Я думаю, — сказал мудрец, — что наш судья либо с рогами, или коростоглав, потому что он свою голову обнажить стыдится». Его ж спросили: «Кому подобен скупой?» Он отвечал: «Свинье, ибо она бывает нам гораздо полезнее после своей смерти».

Некто спросил у одного мота, проигравшего деньги и с себя платье и стоящего у трактира в великой печали: «Что тебе сделалось?» — «Нет ничего», — отвечал он. «О чем же ты тужишь?» — «О том-то и тужу, что нет ничего, кроме рубахи».

Некто разумно уподоблял карты и кости к лекарским пилюлям, ибо как от пилюль очищаются желудок и кишки, так карты опустошают карманы и сундуки.

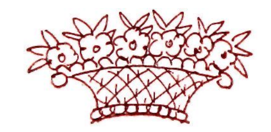

Некий простяк, пришед к одному мудрецу, живущему во уединении, спросил: «Кто так один может жить, как ты живешь?» Философ на то: «Я один жить начал с самого того времени, как ты ко мне пришел». Мудрец тогда считается один, когда он бывает между невеждами.

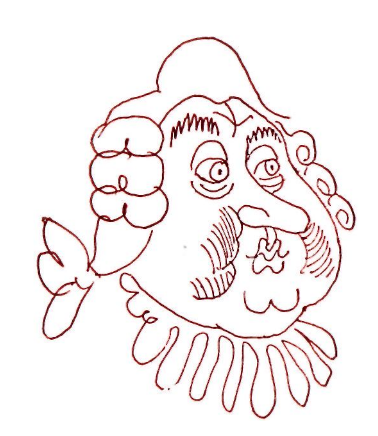

Некий господин, увидя на улице женщину, идущую за стадом ослов, сказал ей: «Прости, ослова матушка». Она ему на то: «Прости, мое любезное дитятко».

Сократ, вопрошен, какие люди могут назваться из всех благороднейшими, отвечал: «Те, кои убожество, бесчестие, труд и смерть терпеливо сносят, а противное сему презирают». Он же женщин называл подобиями смерти, потому что они за бегущими от них сами гоняются, а от тех, кои их ищут, удаляются.

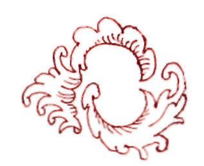

Некоторый рифмач, по приказанию одного епископа описав в стихах семь добродетелей и столько же противных им пороков, принес к нему и, чтоб побудить его к награждению яко скупого человека, сказал: «Не прикажете ли, ваше благоутробие, приписать и оный порок, называемый «неблагодарность»?» Епископ, узнав, что то до него касается очень изрядно, сказал ему: «Но не забудь и к добродетели приписать осьмую, называемую «терпение».

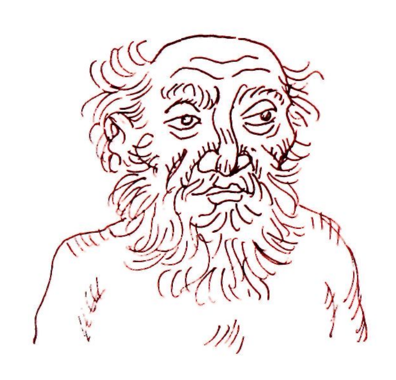

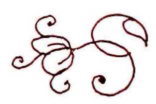
Некий царь сказал тем, которые ему выговаривали, что простое его одеяние неотлично от своих подданных: «Я желаю лучше, чтоб моя слава и добродетели отличали меня от моих подданных, нежели корона и порфира».

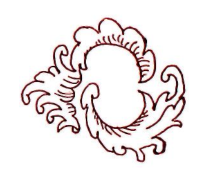
Некоторому государю донесено, что некий пленный вождь, видя к себе великие царские милости, его не любит. «Я хочу,— отвечал ц а р ь , — оказать ему столько благодеяния, что я его принужу и поневоле меня любить». Он же говаривал, что больше мух ловят одною медовою ложкою, нежели десятью уксусными бочками.

Некий мудрец, вопрошен, для чего он очень мало пьет вина, отвечал: «И Александр Великий по охоте к вину помрачил много сияния своей славы, ибо оное затмевает разум и добродетель и притом имеет прескаредных дочерей: ярость и скотскую любовь».

Карл V говаривал: «Для составления хорошего войска желал бы я, чтоб италианцы представляли голову, ишпанцы — руки, россы — грудь по причине их верности и силы, а прочие государства составляли бы живот и ноги».

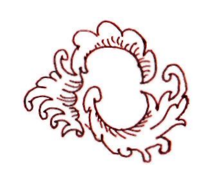

Некая женщина вопросила другую благонравную госпожу о средстве, каким входит она в любовь у своего мужа. «Таким,— отвечала ей, — я делаю все то, что ему нравится, и все то терпеливо сношу, что мне худо кажется».

Некий полководец выхвалял в присутствии своего государя чины военные, а статские хулил. «Молчи, — сказал ему царь, — и знай, что ежели бы статские хорошо отправляли свои должности, то бы мы не имели нужды в военных людях».

Генерал после некоторой баталии поносил волонтера тем, что якобы его не было в сражении. «Я вам докажу,— сказал ему гордо тот рыцарь, — что я там находился, да еще на таком месте, где вы не смели показаться». Вождь, будучи тронут таким поносительным словом, грозил ему за то жестоким отмщением. Но трус, видя, что генерал пришел в великую запальчивость, утолил его гнев сими словами: «Я был, сударь, при обозе, где ваша храбрость не дозволяла вам находиться».

Мужик, слыша, что один подлый чужестранец хвалился своим благородством, весьма тому хохотал, говоря: «Славны бубны за горами». Иноземец, рассердясь, сказал ему: «Тебе ли, скотине, знать, на ком основано благородство».— «Очень, сударь, знаю,— отвечал он, — я думаю на том, которому в своем отечестве жить невместно: бывают иные из вашей братии корноухи и затаврены».

Некоторому вельможе, бывшему в тяжбе, казалось за столом всякое кушанье невкусно. А как он за то рассердился на своего повара, то его приятель сказал: «Кушанье, братец, вкусно и хорошо изготовлено, но разве ваши соперники вам не по вкусу».

Некто женился на девушке, которая вскоре родила другую, и, по разнесшемуся слуху, иные новобрачному смеялись, что он женился на кобыле с жеребенком. Другие говорили, что плод его очень рано поспел. Но некто сказал ему: «Не погневайтесь, сударь, вы очень поздно сыграли вашу свадьбу».

Спросили горбатого, что ему лучше нравится, то ли чтоб бог его сделал как прочих людей, или чтоб они были такие же горбуны. Отвечал он: «Когда уже нельзя быть без горба, то я бы с таким же приятством желал их видеть, с каким они на меня смотрят».

Александр VIII, избран в папы на 79 году от рода и который чрез три недели произведя многих своих сродников, спросил одного своего любимца, что о нем говорят. Тот отвечал: «Говорят, что вы не медлите в произвождении своей родни». Папа сказал: «Oh! oh! sono vinti tre hore emezza: уже 23 часа с половиною».

Рифмач, призвав лекаря, говорил: «Что-то, братец, у меня есть на сердце и приводит всего в слабость и подирает всю кожу, кидая в озноб». Врач, знав его и будучи

человек забавный, спросил: «Нет ли у тебя каких стихов, коих ты еще никому не читал?» Рифмач в том признался и принужден их прочесть. По окончании того лекарь ему сказал: «Хорошо, теперь ты здоров, а то тебя мучили сии стихи».

Тамерлан, воюя против Баязета, опустошил наилучшую империю в свете, наконец полонив оного, приказал привести пред себя и, увидя его, рассмеялся. Баязет на то: «Не смейся моему несчастию, бог раздает и снимает короны, невеликодушное дело насмехаться несчастным».— «Я смеюсь не твоему несчастию, — сказал Тамерлан, — но, увидя тебя, пришло мне в ум, что, видно, скипетры у бога не в великом почтении, когда он раздает их столь гнусным людям, каковы мы: тебе — негодному кривцу, а мне — бедному хромцу».

Некто старый вождь идучи в походе со многими молодыми князьями, коим было то новым танцем. Тогда один князь, имея в команде лучший полк, сказал сему старику: «Я по вашей команде имею таких людей, кои уже отступать не знают». — «А от меня они не научатся», — отвечал вождь. Князь, признав то за обиду, видя под ним невзрачную лошаденку, с насмешкою сказал: «Господин предводитель, удивительно, что вы напред сего были добрым кавалером, а теперь походите на вологонца». — «Ваше сиятельство, недивно мне походить на такого, понеже я столько телят веду на бойню».

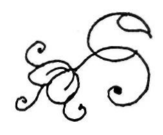

Король Пиррус, выиграв две баталии против римлян и видя, что его войско в великом упадке: «Я пропал, — сказал он, — ежели таким же образом выиграю третью».

Некая госпожа спросила сенатора об своем деле, на которое он не знал, что отвечать. Она на то: «Когда ты не знаешь, что ответствовать, для чего ж ты в такой должности, и видно, что иждивение и милости царские весьма худо заслуживаешь». — «Я... достоин того за то, что знаю, и сенатор, а не за то, чего я совсем не знаю».

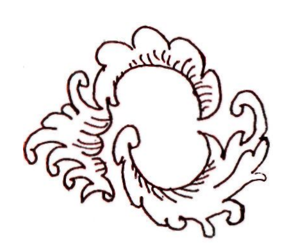

Филиппу, царю Македонскому, некоторые из его придворных доносили в злословии его величества на одного воевождя. «Надобно прежде знать,— сказал Филипп, — не я ли тому причиною». И уведав, что тот не видел от него никакой почести, хотя того был и весьма достоин, послал ему великие подарки. Но после того король, услыша, что тот же воин превозносит его великими хвалами: «Видите,— сказал тогда Филипп тем же любимцам, — я лучше знаю, нежели вы, средство, как укрощать злословие».

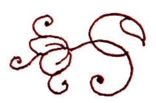

Некто чужехват добивался в воеводы, то его приятели советовали ему для счастливого в том успеху просить бога. «Нет,— отвечал о н , — я сего весьма опасаюсь, мне надобно, чтоб он о том не ведал».

Негде одного малого вора вели на виселицу, тогда духовник его между прочим спросил: «Не сожалеешь ли о том, что тебя за такую вину осудили повесить?» — «Мне гораздо прискорбнее то,— отвечал шишимора, — что я столько не наворовал, чтоб мог подкупить моих судей».

Агезилай смотрел в окно, тогда несколько солдат, совсем израненных, представ пред него, говорили, что раны доказывают нашу храбрость в бою. «Друзья м о и , — сказал им ц а р ь , — я бы желал еще лучше иметь в службе моей тех, кто вас так изувечил». То один из них молвил: «Их уже нет, ибо они стоили нашей жизни».

Некто имел великий достаток и, не хотя по смерти своей учинить никого наследником, все свое богатство расточил, думая, что он более не проживет 80-ти лет; но после, живя еще 6 лет, ходил по миру, прося так: «Подайте что-нибудь мне, бедному, который столь долго жить не думал».

Турка скупой, садясь обедать, всегда говорил дважды: «Бисмалаг», — то есть: «Во имя божие». Некогда его жена спросила тому причину, а он на то: «Чтоб первым словом отженить демона, а вторым — объедальщиков».

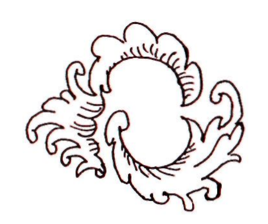

Думный дьяк назвал своего секретаря — «экой ты дурак». Тот, оборотясь, молвил: «Это правда, сударь, я то же хочу сказать».

Шляхтич, увидя пришедшего из другого села пастушонка, который на него очень похож, спросил: «Не жила ли твоя мать здесь?» — «Нет, сударь,— отвечал м а л ы й , — но отец мой часто пребывал в вашем селе».

Разговор о любви между Арлекином и Коломбиною. *К.:* «Без шуток — любишь ли ты меня?» *А.:* «Верно, люблю тебя так, как подьячие взятки и попить; а ты меня любишь?». *К.:* «Я тебя люблю, как скупые любят деньги». *А.:* «А я, как врачи любят больных». *К.:* «Но я, как попы любят похороны и как шляхтичи любят помотать, погулять и презирать недворян». *А.:* «А я, как начальники любят своенравство». *К.:* «Но я, как комедианты любят большие собрания». *А.:* «Ах! Стой, довольно, я уже не могу более сего любить».

Некто обвинял одного автора в краже лучших сочинений из других книг. Тот ему отвечал: «Что за важность, ведь они крали же у прежде их бывших писателей, а добрым выбором народ лучше пользуется».

Некоторый худой живописец, не могущий кормиться своею работою, уехал в чужие края и сделался лекарем. Но там, об сей перемене будучи вопрошен его земляком, сказал: «Мне захотелось промышлять искусством таким, в котором все погрешности покрываются землею».

Людовик XI, король французский, спросил у своих министров, чем бы они присудили подарить английских послов без дальнего себе убытка. Тогда один из них сказал: «Еще прибыль получите, ваше величество, ежели подарите им ваших комедиантов, коих содержание вам очень дорого становится».

Некоторый пастор, приказав своему слуге Давиду взять в долг у мясника для обеда кишок, сам пошел в кирку. Будучи в оной, приводил он для изъяснения своей проповеди многих пророков и в заключение сказал громко: «Посмотрим, слушатели, что нам скажет на то Давид». Слуга лишь пришел тогда в кирку и, думая, что поп говорит ему, закричал: «Батько! Ведь Мамлеев не дает без денег кишок».

Шут, будучи летом в одной беседе с пастором, спросил его: «Не грешно ли, батюшка, бить мух?» Поп на то отвечал: «Какой грех, эту негодную тварь я разрешаю бить, где бы она ни была». Шут, увидя муху на его лбу, подошел к нему и дал ему такой пляск, что тем всю беседу рассмешил.

Нередко худогласные и безграмотные певцы бывают великие охотники петь. Некто подьячий в Гурьев день пел на правом крилосе так жалобно, что сколь часто он ни возглашал, тогда пастух, будучи в церкви, принимался плакать. Сие он приметя, думал, что, конечно, приятность голоса трогает простяково сердце и его прослезяет. И так по окончании обедни захотелось ему по любопытству у мужика спросить, для чего он так слезился. «Ах, батюшка,— отвечал пастух, — как мне не плакать, у меня у бедного недавно волки съели такого богатого козла, что я бы не продал его ни за какие деньги, и как я об нем ни вспомню, то прихожу в слезы, и потому-то, сударь, как вы запевали, то мне чудилось, что блеет та бедная животина, ибо ее голос совсем походил на ваш».

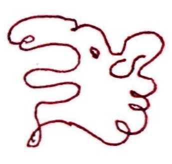
Некоторый вор, будучи вопрошен, признавается ли он в том, в чем его обвиняют, отвечал: «Я еще гораздо больше виноват, что дал себя поймать».

Некий лекарь призвал коновала для совета, как бы можно вылечить его лошадь. Конный медик сказал ему, что надобно ей давать больше пить и бросать кровь. После лекарь стал было ему дарить за труды, но коновал отозвался: «Мы, сударь, не берем денег с нашей одноремесленной братии».

Некоторый воин, будучи в беседе, хвалился тем, что он никогда не имел страху. «Конечно,— сказал другой,— ты не сощикал горящей свечи своими пальцами, ибо побоялся бы, чтоб не ожечься».

Некий шляхтич, будучи на кладбище и увидя несколько головных черепьев, из коих одни были белые, а другие черные, сказал своему слуге: «Знаешь ли ты, Пахомка, различие сим головам? Ведь белые-то дворянские, а черные — разночинские». Но после случилось оному шляхтичу с тем же слугою в семик быть в убогом дому, где из множества человечьих черепьев больше было белых, что увидя, Пахомка спросил своего господина: «Не все ли это, сударь Фалелей Егупьич, дворянские головы?» Но помещик, осердясь, не знал, что ему на то отвечать.

Шляхтич, во время бывшей у него пирушки, увидя, что лакей его несет блюдо, спросил: «Что ты нам несешь?» — «Цыпленка, сударь», — отвечал слуга. По исходе гостей помещик, призвав к себе того слугу, сказал ему: «Федул! Ты глуп, когда я тебя спросил, что ты несешь, а ты мне отвечал «цыпленка», — этим ты меня обесче-

стил; ты бы должен то же сказать во множественном числе: «цыплят». После того случилось опять обедать ему с своими друзьями; Федул нес блюдо похлебки с говядиною и бараниной, господин, то увидя, спросил: «Что ты нам несешь, Федул?» Слуга, хотя простяк, но, памятуя помещичье наставление, отвечал ему: «Быков и баранов, господин сударь».

Двое, русак да поляк, будучи в трактире, спросили ужинать. Хозяйка им сказала, что у ней только осталось небольшой кусок вареной баранины и одна жареная куропатка. Каждому хотелось поесть дичинки и, долго о том между собою ссорясь, напоследок согласились покушать баранины, а куропатку съесть завтра тому, кому из

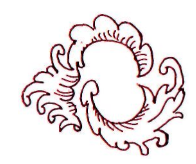

них привидится лучший сон, и пошли спать. Русак, приметя, где положена была та птица, и встав ночью, ее убрал. Поляк, выдумав поутру сказать великолепный сон: «Я, брат, был ангелами взят на небо в вечное блаженство, и тебе не удастся видеть такого хорошего с н а » . — «А я видел, как ты полетел в рай,— отвечал р у с а к , — и после того съел куропатку, думая, что ты уже оттуда не возвратишься».

Негде палач приказал одному плотнику сделать виселицу для криминального колодника. Но плотник отказался, что мне-де не заплачено и за прежние три виселицы. Но как экзекуция за тем остановилась, то судья, при-

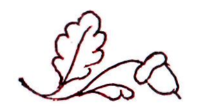
звав плотника, учинил ему жестокий выговор за то, что не послушался его приказа, сказанного чрез ката. «Правда, сударь, я отказался делать виселицу, потому что за прежние еще не получал, но когда бы знал, что она надобна для вас, то бы я, оставя другую работу, ее давно поставил».

Некоторому именитому судье, случившемуся быть вместе на пиру с славным витием, который из подлого отродья произошел в известное достоинство чрез знатные свои заслуги отечеству, весьма обидно показалось то, что

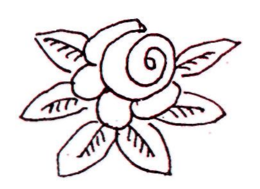
он отважился противоречить его мнениям. «Ты бы, братец, — сказал гневный величавый, — прежде вспомнил свою породу!» — «Я очень ее помню, — отвечал ему мудрец, нимало не сумнясь, — и знаю, что ежели бы вы были сыном моего отца, то бы вы и поныне еще ловили с ним моржей или пасли у него свиней». Ибо подлая природа такого человека не унижает, но возвышает блистание его качеств.

Двух кокеток поссорившихся спросил их знакомец: «О чем вы бранитесь?» — «О честности», — отвечали они. «Жаль, что вы ни за что взбесились».

Мужик покупал из своего дневного промысла по пяти хлебов в неделю и вопросившему, для чего так он делает, сказал: «Один я беру (то есть для себя), другой бросаю (то есть дает своей теще), третий отдаю (то есть возвращаю моему отцу), а остальные два даю взаймы (то есть для пропитания его сыновей в надежде, что они ему их когда-нибудь отдадут).

Муж говорил своей жене, что он очень любит книги. Она ему на то: «Я бы сама желала сделаться книгою, чтоб быть предметом такой вашей страсти». Но он молвил: «Так я бы хотел тебя иметь календарем, дабы можно его ежегодно переменять».

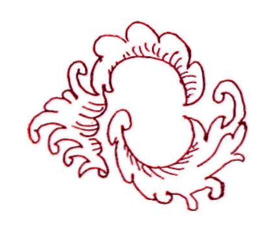

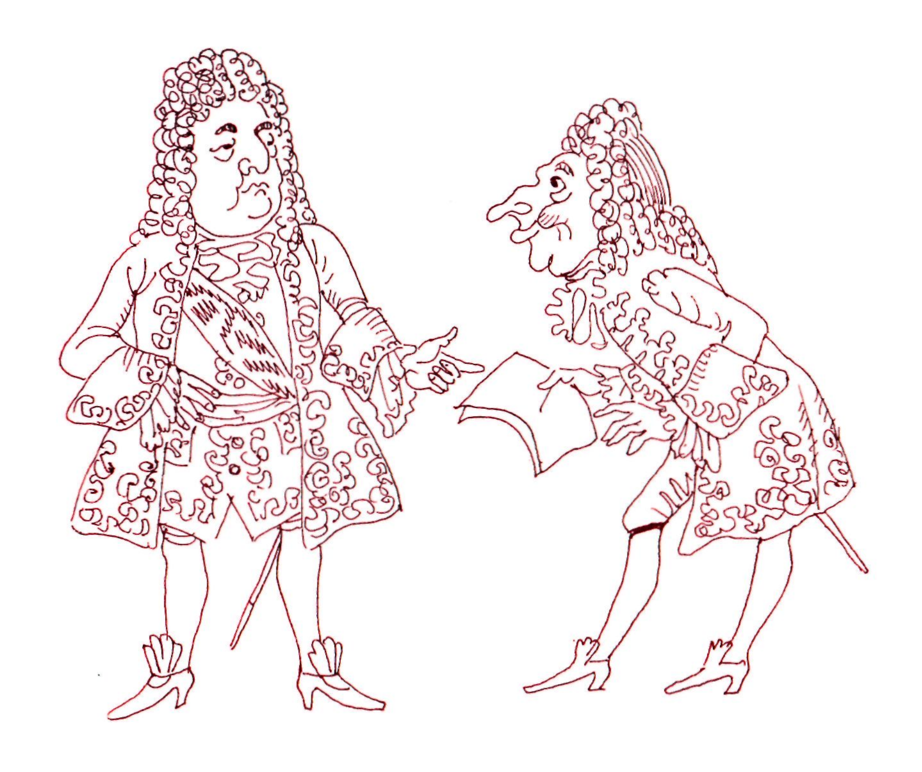
Курносый богач подал нищему полушку. «Сохрани бог ваше з р е н и е», — сказал бедный. Но скупец спросил его о причине сей молитвы. «Для т о г о, — отвечал о н, — когда притупеют ваши глаза, то вам уже нельзя будет носить очков».

Некоторый царь вопросил одного мудреца: 1. В чем состоит неоспоримая правда? 2. Кто больше льстец в свете? 3. Какая пища вкуснее всех кушаний? 4. Кто больший лжец? 5. Кто всех богатее? 6. Кто всех беднее? 7. Кто всех спесивее? 8. Кто всех умнее? 9. Кто всех глупее? Но он отвечал — на 1. Родящиеся умирают. 2. Живописец. 3. Первый кус голодному. 4. Стихотворец. 5. Кто малым и то нужным доволен. 6. Завистливый и богатый скупец. 7. Кто из подлости сделается великим господином. 8. Кто бешеному и дураку уступает. 9. Муж, положившийся вовсе на верность своей жены.

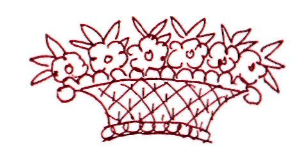

Альфонс-король некогда был у ювелира со многими придворными и по выходе их из лавки купец, выбежав, жаловался царю о пропаже тогда пребогатого алмаза. Король, возвратясь к нему, велел принести чашу отрубей и приказал каждому положить в отруби сжатый кулак, а вынимать ладонь. Начавшу ему все последовали, и по высыпке отрубей нашелся тот алмаз, только с общим им бесчестием.

Некий король показал стихи одному придворному, который его спросил: «Какой это дурак делал?» — «Я сам»,— отвечал он. «Так, конечно, вы,— сказал т о т , — захотели худо сделать то, в чем вы совершенно успели. Ваше величество имеет дар творить все, что хочет». И тем он изрядно выкрутился.

Некая добродетельная госпожа просила своего мужа, гульливого ратсгера, за одну бедную вдову так: «Помилуй, батюшка! Долго ли не решить дело такой-то сирой вдовы и проч. Я слышала, что она уже лет десять за ним таскается». Муж ей отвечал: «Друг мой, я всей душою рад, да нет времени о том и подумать, ведь тебе известно, что, кроме многих праздников, крестин, родин, именин и прочих вечеринок, бываем то на опере, маскераде, в комедии, на куртаге, то на бале, а летом на рекреации, и прочее». — «Ей, душа моя! — сказала она. — Такие

веселости приличны больше нашему полу и придворным, ибо я слыхала, что славные римские судьи едва ли когда сим забавлялись».

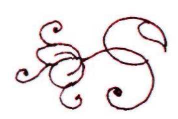
Зело брюшистый дьяк, осужденный на хлеб да на воду, предлагал своему начальнику, что он от такого искуса по непривычке может захворать. Но судья ему на то сказал: «Не бойся, ты теперешним в себе запасом можешь прожить, неделю не евши, и по испущении из себя излишних жирных и винных паров будешь здоровее прежнего». То же сказал некий епископ одному толстому монаху, осужденному за его вину на дровопильню или мукосейню.

Две нищие старушки А. и Б. по давнем несвидании, встретясь на Красной площади, поздоровались, и старуха *А.* спросила: «Выдала ли, мой друг, свою дочку?»

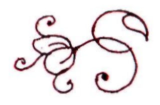
Б.: «Выдала, матушка». *А.:* «За кого, голубушка?» *В.:* «За переводчика, мой свет». *А.:* «Ну счастливо, сестрица, а где он у места?» *Б.:* «Он, друг, из места в место, а наверно со Вшивой горки на Арбат слепых переводит».

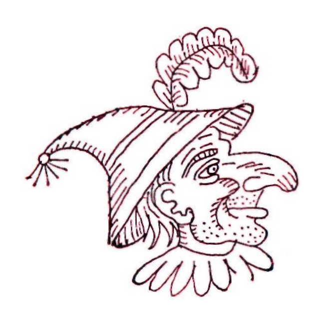
Один придворный, вышед из доверенности у всех заимодавцев, просил у своего государя то, что ему ничего не стоит. «Так прошу ваше величество,— сказал о н , — меня

сим пожаловать — ударить своею рукою любимчески по моему плечу при многих». Царь сделал ему то удовольствие. Тогда народ того бедняка почел за великого фаворита; а он чрез то мог занять великие деньги и сделался знатнейшим и богатым господином.

Марокксский король, смеясь своему шуту, сказал: «Ты, брат, великий король над дураками». Но он ему на то: «О! Когда бы я был таким царем, то бы мое владение

составляло превеликое государство, и вы бы при мне были главный вельможа».

Портной, кроя себе платье и употребя сукна больше надлежащего, сказал своей жене, вопрошающей о причине: «Чтоб не потерять доброй моей привычки в надлежащем воровстве».

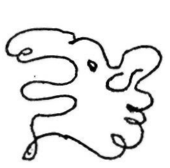
Некто, женясь на кокетке и захотя посмеяться одному мудрецу, сказал: «Хотя тебя почитают за преученого, но не думаю, чтоб ты мог что-либо совершенно з н а т ь». —

«Обманываешься, д р у г, — отвечал он, — ибо я совершенно знаю то, что ты с рогами».

Извинение одной непостоянницы своему мужу:

Я друга твоего люблю, зрак твой любя.
Его целуючи, целую я тебя:
Едина в вас душа, известно мне то дело;
Так думается мне, одно у вас и тело.

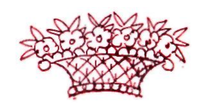
Судья сказал своему челобитчику: «Я из твоего дела не вижу никакой тебе пользы». Но тот, уразумев сии слова, вынул из своего кармана два червонца и, дав их судье, молвил: «Так вот, сударь, я дарую вам хорошую пару очков».

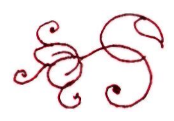
Некий богатый и гнуснообразный откупщик заказал себя написать стоящего в природной величине и после не хотел заплатить того, что живописец требовал. Мастер сказал: «Хорошо, сударь! Я ваш образ возьму к себе». Мужик спросил: «Что тебе в нем?» — «Мне убытка не будет, — отвечал он, — когда я приделаю к нему хвост, то будет портрет одетой обезьяны, или положу на нем железную решетку с подписью: «Подайте бедному заключенному», — то я знаю, кому оный продать».

По смерти откупщик, сошед в подземную страну,
И став пред сатану,
Просил: скажи, мой друг сердечный,
Не можно ль откупить во аде муки вечной.

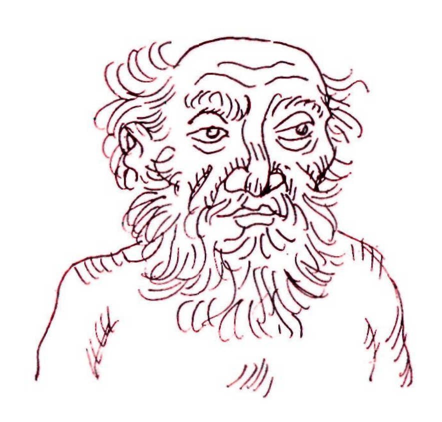
Я вспомни, как на свете жил;
Всем сердцем я тебе и всей душой служил.
Пожалуй, дедушка, уступи это внуку;
Я множил цену там, а здесь умножу муку.

Некий князь спросил одного мужика, что об нем говорят. «Ни добро, ни худо», — отвечал он. Тогда князь, дав ему несколько червонных и ударив по спине своею тростию раз пять, сказал: «Теперь ты можешь говорить обо мне добро и худо».

Некогда во Франции играли комедию в присутствии короля о ученых людях. И как дошло по игре до великого порицания ученых тунеядцев, тогда один комедиант, нарядясь так, что был очень похож на одного парижского славного профессора, и выйдя на театр, вскричал к актерам: «Непристойно вам так смеяться над мудрецами, вы дадите в том ответ». И после стал к ним гневно приставать, чтоб они тотчас перестали играть такую негодную комедию. «А я хочу, чтоб они играли», — возгласил король, думая, что то подлинно был тот профессор и отважился при нем так кричать. Но когда узнали, что это был комедиант, то все стали больше смеяться, так же и сам король о сей шутке, в коей он обманулся.

Мудрец, будучи вопрошен, для чего он не член такого-то училища, отвечал: «Мне, как Катону, сей вопрос приятен, которого спросили, для чего ему не поставят статуи, отвечал — для меня сие честнее, нежели спросили бы, для чего поставлены».

Некий бессильный судья, будучи в беседе, хотел, как и прочие, поцеловать пришедшую туда госпожу, но она, его удержав, сказала: «Потише, вам не так скоро дается поцелуй, вы знаете, что это для вас последнее удовольствие».

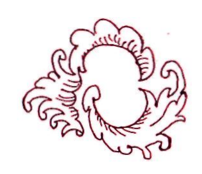

Негде один календарщик, будучи вопрошен, для чего его предсказания погод не столь сбываются летом, как зимою, отвечал: «Для того что летом обыкновенно молебствуют либо о дожде, либо о ведре, а зимою нет».

Живописец срисовал больного человека и так его представил, что один медик, не видав никогда оригинала, сказал, что он имел лихоманку. Вопрошается: кто из них был искуснее в своем ремесле?

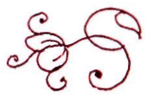
Медик говорил своему приятелю про другого врача: «Как ты вверил свою жизнь человеку, не знающему ни по-латыни, ни по-гречески?» Он ему на то: «Этот дурак по-гречески и по-латыни, но он меня пользует по-русски».

Арлекин говорил, что ежели бы Адам был с приписью подьячий или бы купил комиссарский чин, то бы мы были благородные, а когда бы он слыл Мурза, то бы — сиятельные.

Некоторого купца, обыкшего часто говорить сию поговорку «благодаря бога и вас», спросил воевода, сколько у него детей. «Пятеро, — отвечал простяк, — благодаря бога и вас».

Мужик, едучи с возом, пустил свою лошадь переехать грязь, а сам пошел по дорожке, но как она там остановилась, то он кричал: «Ну, матушка, ну, друг, голубка, ну, одер, пострел». Но тем не пронявшись, молвил: «Помози боже», а сам, не пособляя, стоит на суше. Почти у всех нас такое богопризывание.

Некий мызный пастор похоронил на кладбище любимую свою собаку. Епископ хотел было его наказать за такое беззаконие. Но поп, ведая, что он корыстолюбив, объявил: «Ваше преподобие! Ежели бы вы знали, как эта собака была умна, вы бы ее почли за разумное животное: она сделала духовную, по которой вам оставила серебряную чашу, из коей она ела, и так я вам ее вручаю». Епископ, убежденный сим подарком, предал тот грех забвению.

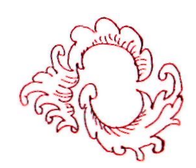
Вождь, командуя воинами, бедно одетыми, увидев неприятельское войско в новых однорядках, сказал, ведя своих на бой: «Друзья, постарайтесь хорошо одеться».

Жизнь папы Бонифатия VIII была такого худого поведения, что наконец сказано было, что он вступил на папство, как лисица, жил, как лев, а умер, как собака.

Некоторый турецкий пират велел казнить Ибрагима, который отдал ему город Магилию, а во оправдание свое перед ним в том, что он ему прежде взятия того города обещал даровать жизнь и наградить его довольно, сказал: «Никто не обязан держать своего слова тому, кто изменил своему отечеству».

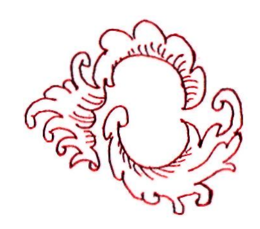
Некто подлого и нищего отца сынок, женясь на служанке своего командира, вышел в подьячие и, наживя оным ремеслом лучше, нежели профессорством, со тьму денег, построил огромный дом, как слоновий двор, и оградил его обширным оплотом. Некогда он показывал его своему приятелю, водя оного по всем покоям, вдруг сказал: «Видишь (указывая ему в окно на палисадник), уже три тычинки сворованы».— «Так, как и весь дом», — отвечал приятель.

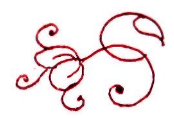
Фоннару, прилежащему только к рюмкам да картам, а величавшемуся своим родословием, сказал умный дворянин: «Мне кажется, ваша генеалогия есть древнее, нежели вы думаете, и старее Адама». «Как же так?» — спросил простяк. «Так, — отвечал он, — понеже многие животные сотворены до Адама, так может быть, вы произошли от козлов, либо от ослов».

Дурная и старая госпожа была на опере, нарядившись, как молодая. Некто иноземец, сидя подле ее сына и увидя оную, спросил, смеючись, не знав его: «Не смешна ли тебе кажется эта старуха в таком уборе?» — «Я бы о том так же подумал, — отвечал он, — когда б она не была моя мать».

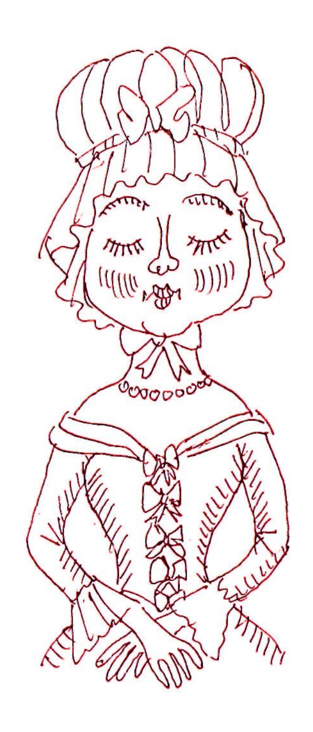
Колумбу, первому открывателю Америки, случилось быть на пиру, где многие его похваляли за изобретение той новой земли, а один невежда сказал: «Всяк бы то же сделал, ежели бы так же на то снабжен был». Услыша сие, Колумб усмехнулся и, взяв с блюда яйцо, дал ему, говоря: «Можешь ли ты это яйцо поставить на столе прямо и без всякой иной подпоры?» Но тот, подумав несколько, отвечал: «Это невозможно, да ты и сам того не сделаешь». Колумб, взяв у него яйцо и бережно оное пугою приплюснувши к столу, сказал: «Видишь ли, я думаю, теперь и всякий может то же сделать, но прежде редкий сего догадается». Примолвя сие, что удобнее перенять, нежели самому выдумать.

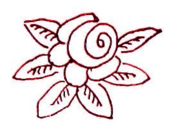
Симонид-мудрец, будучи обнесен от некоего человека, что его дочь непотребным своим поведением ему наводила посрамление, отвечал так: «Ошибаешься ты, братец! Она не больше мне наносит бесчестия своими пороками, как и я ей чести моими добродетелями».

Карл II, англинский король, укорял стихотворца, что он в подписанном ему панегирике выхвалял больше Кромвеля. Но он на то: «Ваше величество! Мы в поэзии лучше удаем наши мечтания, нежели истину».

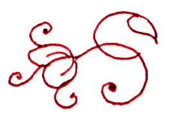

Некая благоразумная девица, будучи вопрошена от подружек своих, которая краса всех других приятнее кажется, отвечала: «Та, коя происходит от стыдливости».

Спартанцы на угрозительные письма царя Македонского ответствовали двумя словами, написанными на большом листе: «Ведь Дионисий в Коринфе». Вместо: вспомни ты о том, как Дионисий, за свою предерзость

будучи изгнан из государства, отъехал в Коринф, где он завел детское училище, переменя скипетр на лозу ради своего пропитания. Так-то и мы тебя до того ж приведем, ежели нам угрожать не престанешь.

Негде во врачебную должность производили только из иностранных, хотя они были и не искусны. Так некто того места уроженец сказал своему ослу: «О! Как ты несчастлив, подъяремник мой! Ежели бы ты родился или бы поучился за морем, то бы подлинно был и ты у нас либо доктор, либо профессор».

Картезий рассказывал своему приятелю о некоем деле, а тот, слушая, ни в чем не спорил и все похвалял, за что он, осердясь, сказал ему: «Выговори мне, пожалуй, хоть малое что вопреки, дабы не казалось, что будто бы я один сам с собою только говорю».

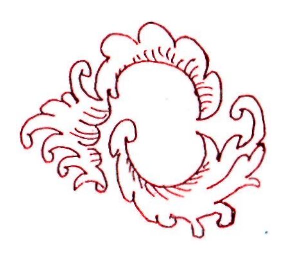
Тимон Афинский, вельможа, прозванный Великолепным, так однажды сдурачился, что тем ослам, кои при бывшей карусели (конском ристалище) почесть ему

доставили, велел сострочить великолепную гробницу подле своей. Но, услышав то, один мудрец сказал: «О! Когда бы в той же гробнице самого Тимона положили, то бы можно на ней написать: «Здесь лежат три победоносные скотины, два осла с их господином».

Некий вельможа, больше именитый своею породою, нежели разумом, будучи у королевы, коя его спросила, здорова ли его жена. Он на то: «Она очень тяжела». — «Когда же родит?» — сказала она. «Когда угодно будет вашему величеству». Не искусный ли сей царедворец?

Некто астролог, увидя впервые Сократа и рассудя по виду лица его, сказал: «Сей человек, конечно, есть самый злейший в свете?» Ученики его, услышав то, чуть было за оный лживый прогностик его не прибили, но Сократ, удержа их от того, сказал: «Он говорил правду — я природою был таков, токмо уже после исправился моею философиею».

Искусный проповедник окончание своей проповеди заключил так: «Уповаю, благочестивые слушатели! что сего поучения для безграмотных довольно, а для ученых излишне, ибо они только примечают красоту и порядок речи, зная Священное писание, и когда уже они ему не последуют, то меня ли грешного послушают? Аминь».

Двое, из коих один ходил на деревяшке, посещали вместе некую вдову; и как она показалась с плодом, то они вступили в прение — чье будет дитя. Хромой сказал: «Ежели он родится с деревяшкою, то будет мой, а без нее — твой».

Горбун, сидя в кирке, слышал, как пастор в своей проповеди говорил: «Что бог ни сотворил, то хорошо сотворено». Сие показалось ему сомнительно и для того, дождав попа у дверей, спросил: «Отче! Вы говорили, что все вещи хорошо сотворены, а видите, каков я?» Пастор ему на то: «Друг мой! Ты совсем человек и, как быть горбуну, изрядно устроен».

Дионисий-тиран весьма гнушался суеверием и идолопоклонством, бывшим в его время у греков, и, пришед в одно капище, оказав то забавным видом, говорил: «Я думаю, не грешно то употреблять, что богам не нуж-

но», — и снял золотую епанчу с статуи Олимпийского Юпитера и надел на нее шерстяную, примолвя: «Вещь золотая зимою не греет, а летом тяжела». А отрубя золотую бороду у Эскулапиевой статуи, сказал: «Непристойно иметь сыну бороду, когда отец его Аполлон был безбородый».

Кадис, турецкий судья, допрашивая при султане одного магометанина, который называл себя пророком, требовал, чтоб он свою миссию доказал чудесами. Мнимый пророк сказал: «Я могу воскрешать мертвых». — «Хорошо, — примолвил судья, — да надобно то показать на самом деле». — «Когда ты не веришь, — сказал он, — так вели дать мне саблю, то я, отрубя твою голову, могу тебя воскресить». Тогда султан спросил кадиса: «Что ты на то скажешь?» — «Не надобно, — отвечал он, — иного чуда, я верю, что он пророк».

Некая принцесса, разговаривая с марокkским послом, между прочим смеялась многоженству, позволенному магометанам. «Мы бы, государыня, — сказал разумно посол, — имели по одной, ежели бы они все таковы были, как вы».

Людовик XII, будучи герцог, получил многие озлобления и досады от двух придворных господ, бывших в милости при прежнем короле. То некто из его любимцев побуждал его к оказанию им гнева и отмщения. «Недостойно королю, — отвечал он, — мстить обиды, оказанные герцогу».

Одному придворному смеялись, что он бессилен, а он нимало не хотел в том признаться и, некогда встретившись с одним насмешником, сказал: «Знаете ли, негодные порицатели, что моя жена недавно родила мне сына».— «Поздравляю, государь мой,— отвечал т о т , — да о вашей жене никогда и не сомневались».

Напрасно муж грустишь и сердцем унываешь,
Что я люблю других, ведь ты не убываешь,
Робяток полон дом, спокойся и нишкни,
Какая убыль то, когда не сей и жни?

Султан, услышав, что славный воевождь Скандербег имел саблю, коею он сразу отрубал голову у претолстого вола, ее потребовал, но, получа, учинил неудачный опыт и возвратил ее с выговором за такую насмешку. «Ваше величество, — отвечал о н , — я послал к вам мою саблю, а не мои рамена».

Одна знатная девица читала любовный роман и между прочим попала на нежный разговор, происходивший долгое время наедине у волокиты с его полюбовницею, кои равно пылали страстию друг к другу. «Куда как глупо сказано, — вскричала она, бросая ту книгу, — на что столько разговоров, когда они уже были вместе, а притом и наедине».

К некоторому умирающему помещику пришли с объявлением о решении одного судного дела в его пользу. Тогда он на то сказал: «Такие вести мне теперь не нужны, но моим неприятелям», — признавая так своих наследников, ждущих его кончину.

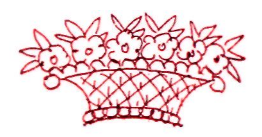
Молодец, женясь, сказал своей жене на первой ночи: «Ежели бы я тебя так знал прежде, то бы никогда на тебе не женился».— «Это правда,— отвечала она, — я сама то думала, потому что меня прежде раз пять уже обманули, и я опасалась более в такой обман вдаться».

Некто, ездя непрестанно по чужим краям, дал такой ответ смеющимся ветреному его обычаю: «Я пота буду странствовать, пока найду такую землю, в коей бы власть и доверенность были в руках честных людей и в которой бы заслуги награждались». —«Конечно, вам умереть в дороге»,—примолвили они.

Некоторому придворному шуту погрозил один царедворец так: «Я тебя до смерти прибью, негодный». Шут, испугавшись, прибежал к государю и ему пожаловался. Царь ему на то: «Ежели он тебя убьет, то я велю его повесить».— «Я того не хочу,— отвечал ш у т , — но того желаю, чтоб вы приказали его повесить прежде, пока я жив».

Некоторый повар, находясь во услужении у скупого, не захотел более ему служить, а как его спросили о причине, то отвечал он, что ежели я буду долее у него жить, так позабуду совсем мое ремесло.

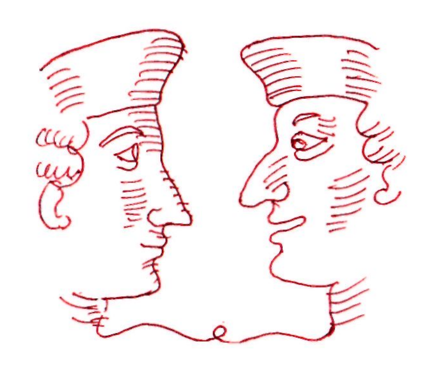
Во всю готовит жизнь имение скупой,
И веселится, лишь пожиток числя свой:
Не тратит ничего, по смерть живет убого,
Чтоб только при конце сказать: осталось много.

Некто разумный человек, не находясь ни при какой должности и проведав, что имеется порожнее место, просил об оном своего государя. Царь отказал ему в том наотрез, нисколько его не обнадежа. Проситель, поблагодаря весьма униженно царя, пошел вон. Но государь, ведая, что он человек ученый, подумал, что, конечно, он не понял того отказа, и, возвратя его, спросил: «Хорошо ли ты выслушал то, что тебе сказано?» — «Очень внятно, ваше величество»,— отвечал он. «Что же я тебе сказал?» — примолвил царь. «Вы мне изволили отказать в той надобности, о которой я ваше величество утруждал». — «Для чего ж ты меня благодарил?» — спросил он. «Для того, что вы мне скоро отказали и не принудили меня более беспокоиться как утруждением, ваше величество, так и ласканием себя тщетною надеждою». Царь так был доволен его ответом, что тогда ж пожаловал его в ту должность.

Некий философ взял за себя жену весьма малого роста. Приятели его спросили у него, для чего он, будучи человек разумный, выбрал себе такую карлицу. «Друзья мои! — сказал он им. — Я, признав за надобность жениться, заблагорассудил выбрать сколько возможно из зол самое меньшее».

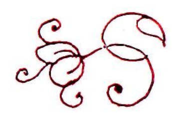
Италианец, будучи вопрошен французом, у кого бы он лучше хотел быть в подданстве, у короля ли французского или у ишпанского: «Я бы желал видеть одного, повешена на кишках другого».

Простяк, очень болящий одним глазом, спросил шута, не знает ли он, чем оный пользовать. Тот отвечал: «У меня прошлого году болел зуб, то я велел его вырвать и тем вылечился, так советую и вам употребить то же лекарство».

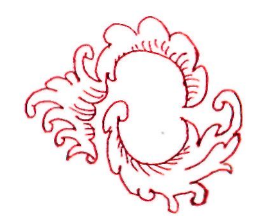

Престарелая вдова, любя одного шляхтича, подарила ему богатую деревню. А другая, молодая госпожа, будучи той своя, спорилась с ним о том подарке, не по правам ему доставшемся. «Государь мой! — ему сказала она в суде. — Вам досталась эта деревня весьма за дешевую цену». Шляхтич ей отвечал: «Сударыня! Я вам ее уступлю, буде вы изволите, за такую ж цену».

Откупщик сказал своей жене, что он слышал, будто все мужья в их посаде почитаются за рогоносцев, выключая только одного. «Как бы ты думала, душенька, кто бы таков это был?» — спросил он ее. «Его трудненько узнать, друг мой», — отвечала она.

Генрих VIII, англинский король, будучи в ссоре с Франциском I, королем французским, назначил отправить к нему послом одного епископа с весьма грубым и угрозительным выговором. Епископ ему представлял, что-де мне живому не быть, ежели толь гордому государю повеленное выговорю, и просил от того увольнения. «Не бойся ничего,— сказал ему Генрих, — ежели он тебя сказнит, то я ему отплачу головами многих французов, кои у нас находятся».— «Я тому верю, — сказал, усмехаясь, епископ, — да изо всех тех ни одна ко мне так хорошо не пристанет, как эта», — указывая на свою.

Претолстая попадья случилась на пиру сидеть за столом возле сухощавого старика, который, будучи ею потеснен, сказал: «Матушка! На что вам такое тело?» — «Для прикрытия ваших костей», — отвечала она.

Некоторый поп, будучи болен и за неимением своих денег, послал занять у достаточного богадельника. Приятель ему сказал: «Как не стыдно занимать у такого человека?» — «Нет, ничего, это для платы лекарю». Каковы деньги, таковы и люди.

Арлекина, любящего одну худощавую кокетку, спросили, что его привязало к такой сухопарой, мог бы найти потельнее. «Когда она суха, — отвечал он, — то ближе к ее сердцу и короче туда дорога».

Некоторый господин не любил одного из своих сыновей, который был малорослее и дурнее других. Некогда оное дитя, видя своего отца, с презрением на него смотрящего, сказал: «Батюшка! Ведь карла разумный предпочитается глупому и грубому великану, не все, что толсто и велико, то драгоценно. Овца мала, да мила, а слон велик, да гадок».

Знатный чужехват, приехав в лавку и выбрав богатую шляпу, сказал купцу: «Эй, брат! Я эту шляпу возьму, а ты деньги получишь после». Купец отвечал: «Нельзя, сударь». А тот: «Как ты смеешь мне не верить в такой безделице». — «Не погневайтесь, сударь, — молвил купец, — мне нужда в деньгах, и притом я не привык всякий день бродить на поклон к моей шляпе».

Купец, получа великий убыток в торгу, заказал своему сыну никому о том не сказывать. Сын, обещаясь то исполнять, спросил его о пользе сего молчания. «Та, — отвечал отец, — что вместо несчастия не понесем трех: одно есть наш ущерб, второе — лишение кредита, а третье есть порадование наших завистников».

Некто, будучи вопрошен от своей жены, для чего он не сходит в лотерею и не положит что-нибудь, отвечал: «Друг мой! Там одни рогоносцы бывают счастливы». — «Ах батюшка! — вскричала она. — Пожалуй, отведай своего счастия, я крепко надеюсь, что нам хороший лот выйдет».

Некоторый епископ обличал одного короля, что он в своей должности поступает более политически, нежели христиански. Король ему на то: «Я вижу, батюшка, что вы читали только Священное писание, а не Книгу царств».

Волокита, разговаривая наедине с одною молодою и пригожею вольнодумкою, вздумал для объявления ей своего желания положить себе червонец на один глаз, а на нее смотреть другим. Она, узнав его намерение, сказала ему: «Государь мой! Любовь — вещь не кривая, но слепая».

Господин Дидерот продал свою библиотеку за 15 000 ливров императрице российской. Сия государыня приказала его просить оную хранить и быть ее библиотекарем во Франции и за то получать 1000 ливров пенсии. Но как он чрез полтора года ничего не получил, то вскоре потом она отписала к нему так: «Желая, чтоб вы никогда не терпели такого замедления в вашей пенсии, указала оную за пятьдесят лет вперед вам выдать».

Некий грубого свойства кавалер, увидя дорогой алмаз на руке пригожей госпожи, сказал: «Для меня перстень приятнее руки». Дама, смотря на него, отвечала: «А мне нравится ольстра лучше скотины».

Француз, славный питух, никогда не любил пить воды, но при смерти попросил большой стакан ее, говоря, что теперь должно проститься с своими неприятелями. Марциал описывает пьяного старика Аппия так:

На белых волосах у Аппия зима
И лето на глазах, горящих от вина.
Как пьет, то по носу фиалки расцветают,
И точно тем весны средину представляют.
Как в осень щеки все брусники полны зрелой,
Не всяк ли видит — год изображен тут целый.

Принц Маврициий для битвы, учиненной под Ньюпортом, приказал отвесть от берега свой флот, который мог бы служить убежищем его войску. И после, ведучи оное к сражению, сказал: «Храбрые мои воины, видите, что позади вас стоит неприятельский Ньюпорт, по левую руку у вас море, по правую — река, а впереди — неприятели, итак, остается вам одна дорога, коя состоит в таком затруднении, чтоб пройти напролом сквозь нее». Сей ободрительною речью выиграл он победу, коя была спасением республики.

Один стихотворец суеверу, укоряющему его в изуверстве, сказал так:

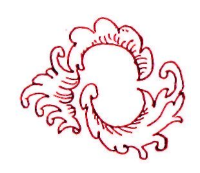
Пожалуй, не зови меня безверным боле,
За то, что к вере я не причитаю врак,
Я верю божеству, покорен вышней воле.
И верю я еще тому, что ты дурак.
Преподлый суевер от разума бежит,
И верит он тому, чему не надлежит,
Кто вздору всякому старается поверить,
Стремится пред самим он богом лицемерить.

У Офризы была дочка, коей она издетска внушала всякие добродетели; прямая набожность, прилежание к трудам, благочиние, воздержание и мудрость составляли ее качества. Клоя лишилась своей достойной матери и с нею небольшого имения, на кое надеялась. Не могла вступить в монастырь, решилась жить уединенно от мужского шума, в комнатке, трудами своих рук, что едва могло ей доставлять на самонужное содержание. Клоя молода и пригожа, а сие скудость делает опасною. Молодой Лезидор влюбился в нее и, уведомясь о жалком ее состоянии, считал оную в числе своих побед, но обрел невозможность к ней доступить и к себе склонить. Нежные письма, подарки все великодушно были презрены. Толикая упорность лишь более раздражала страсть в Лезидоре, и он, все то преодолев, женился на Клое. Целомудрие заставило себя почитать порока.

Голландец спросил француза: «Для чего вам иные чужеземцы во всем, как обезьяны, слепо подражают? Оставя прямое благочиние, многие ходят неглиже, а-ля тур, а-ля кок, а-ля пижон, с рогами и заражаются произношением в нос?» Француз отвечал: «Тебе ли знать политику, мужик! Ведь в переменном поведении наилучшее удовольствие состоит».

Вор, будучи в Париже, пришел ввечеру к купцу, имевшему в своей конторе много серебряных шандалов, с умыслом, чтоб несколько оных украсть. Он просил показать некие товары, и пока их отыскивали, вступил в

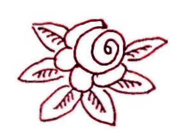
разговор с хозяйкою и с другими, тут бывшими, довел речь о хитрости мошенников и притом сказал: «Господа, вы удивитесь, как один плут украл два серебряных шандала из конторы почти похоже на оные на глазах многих на него зрителей».— «Нельзя тому статься», — говорили другие. «Да я сам тут был, а вот каким образом... — и начал представлять то действие, — он, как теперь я, положил свою шляпу на стол, схватил два подсвечника и, погася огонь, вынес их под полою». Сей рассказчик, то же учиня, выбежал на улицу и скоро скрылся от своих слушателей, кои признали свою ошибку, да поздно было за ним бежать.

При польском короле Августе XII был шут, который, вздумав посмеяться придворным дамам, нарядился во французский кафтан и в штаны без задних половинок; и во время, как король вышел в большую залу, то он, ему представ, оборотясь спиною к дамам, начал низко кланяться. Они, увидя необычное, стали закрываться. Король, на них смотря, спрашивал тому причины, а шут между тем скрылся.

Некая госпожа, имея одного сына и видя умирающего, весьма о том крушилась. Священник во утешение говорил ей: «Вспомните об Аврааме, коему бог приказал заколоть своего сына, и он послушался без роптания». *«Ах, батюшка! — отвечала она. — Бог никогда бы не потребовал сей жертвы от матери».*

Некая молодая и пригожая барыня, будучи в беседе, говоря о дамских уборах, сказала: «Так ныне все дорого, что приходит нам ходить нагим». То один забавник примолвил: «Это бы для нас, сударыня, было приятнейшим предметом».

Кривой бился об заклад со зрячим, что он больше видит, нежели тот, и оный выиграл, потому что кривой у него видит два глаза, а он у кривого только один.

Некая красота имела многих полюбовников и каждого уверяла о своей верности. Но незапно Амур отнял повязку с одного ее миляка и ему открыл ее непостоянство, он стал ее тем укорять. «Ах! Государь м о й , — отвечала ему, с м е я с ь , — когда вы прозрели, так прошу меня не беспокоить: я принимаю к себе только слепых».

Во II столетии Година, славная по своей красоте и добродетели жена герцога англинского Мерси, оказала свою любовь к подданным отменным действием. Муж ее наложил тяжкую подать на жителей города Ковентри. Она неотступно его просила, чтоб сие отменить, но он напоследок на то согласился с таким условием, чтоб проехала она нагая чрез весь город. Година подверглась сему стыду с запрещением жителям на нее смотреть под смертною казнию. Села на коня и проехала все улицы, не имея никакого покрывала, опричь своих длинных волос. Некто гражданин по любопытству открыл окно, но тотчас был убит, и в память сего бытия была поставлена в оном граде на том же месте статуя в образе смотрящего человека.

Епископ, презирая некоего простовидного и скудного попа, говорил ему: «Я думаю, что ты не смыслишь и первых начал катехизиса и сколько есть главных грехов?» — «Восемь»,— отвечал поп. « Т а к , — сказал владык о , — я не обманулся во мнении о твоем знании. Скажи

мне, пожалуй, какой осел-епископ поставил тебя в попы и какие суть те восемь грехов? » — *«Я посвящен в сие достоинство вашим высокопреподобием, а что касается до главных грехов, то к семи, кои всякому известны, надобно прибавить восьмой, то есть — презирать бедных священников».*

«Не стыдно ли т е б е , — сказал прохожий нищему, просящему м и л о с т ы н ю , — ты можешь работать». Тот ему отвечал: « Государь мой, *мне нужда в деньгах, а не в твоем совете».*

К некоему генералу, готовящемуся к сражению, пришел офицер, просил дозволения в последние повидаться с своим отцом издыхающим, чтоб о нем постараться и получить благословение. « П о д и , — сказал сей предводитель, ведая причину сей о т л у ч к и , — *почитай отца и мать, чтоб тебе долголетну быть на земле».*

В некую пригожую и постоянную мещанку крайне влюбясь, великий господин говорил ей: «Ваши качества есть все то, что мне в вас любезно». — «Так, — отвечала ему, — *пожалуй, не подвергайте меня опасности лишиться всего того, что вы любите».*

Некто, видя неудовольствие от своего приятеля в неправом требовании, сказал ему: «Когда твоя дружба мне бесполезна, так мне она и не нужна». — *«Да и мне твоя, — отвечал правдивый друг, — потому что неможно ее хранить справедливостью».*

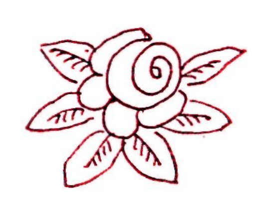
В деревне принесли в кирку окрестить младенца. Поп, пришед подпивши с своими друзьями несколько побольше обыкновенного и не могущий в своей книге служебнике найти правила крещения, говорил, перебирая в ней листы: *«О, как трудно крестить сего ребенка!»*

Напоследок предлагаю сию достопамятную повестцу: Некоторый разумный человек о кончине жизни говорил так: «День приближается, в который я уже не буду господин моему имению и с досадою увижу, что я семена свои для других посеял. Скоро, скоро пойму ясно, что располагал я богатством не собственным моим, но заемным. Час придет, и кто знает, коль скоро? Когда я любез-

нейшим моим буду причиною страха, печали и плача? Каково будет моему сердцу, когда моя вдова, мои сироты и сродники станут около моего одра и то о себе, то обо мне начнут плакать? Как возмогу я стерпеть взгляды и слезы тех, кои без меня, может быть, в бедности останутся? Каково мне тогда будет, когда от меня врач скрывать, а священник ясно смерть предвозвещать станет? Что я тогда подумаю, когда мне объявят, что я уже должен от всех веселостей сего света отказаться, со всеми расстаться, позабыть свою честь и только помышлять об одной вечности?»

Впадете вскоре,
О невские струи! в пространное вы море
Пройдете навсегда,
Не возвратитеся из моря никогда.
Так наши к вечности судьбина дни приводит.
И так оттоле жизнь обратно не приходит.

СОДЕРЖАНИЕ

КРАТКИЕ
ЗАМЫСЛОВАТЫЕ
ПОВЕСТИ
из „ПИСЬМОВНИКА"
профессора и кавалера
Николая Курганова

РЕДАКТОР
К. НЕЩИМЕНКО

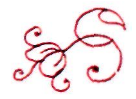
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
Д. ЕРМОЛЕНКО

ТЕХНИЧЕСКИЙ РЕДАКТОР
Л. ВИТУШКИНА

КОРРЕКТОР
И. ФИЛАТОВА

Р1
К93

Сдано в набор 4/XII 1974 г. Подписано к печати 5/VIII 1975 г. Бумага мелованная. Формат 70Х90 1/16. 10,5 печ. л. 12,254 усл. печ. л. 5,47 уч.-изд. л. Тираж 30 000 экз. Заказ № 4080. Цена 2 р. 32 к. Издательство «Художественная литература». Москва, В-78, Ново-Басманная, 19. Ордена Ленина типография «Красный пролетарий». Москва, Краснопролетарская, 16.

К $\frac{70301\text{-}335}{028(01)\text{-}76}$ 32-76